

Олег Никитин

ДЕЛО

МАРСИАНИЦЕВ

Олег НИКИТИН
Дело марсианцев

«Автор»

2013

Никитин О. В.

Дело марсианцев / О. В. Никитин — «Автор», 2013

Мог ли граф Тихон Балиор предположить, что уволившись с государственной службы и вернувшись в родное поместье, вместо тихой жизни провинциального помещика ему доведется расследовать дело о таинственных марсианцах, похитивших его возлюбленную, да еще и раскрыть заговор против самой государыни? По плечу ли скромному поэту изобличить заговорщиков, спасти друга и завоевать сердце неприступной красавицы?

© Никитин О. В., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Глава 1-я,	5
Глава 2-я,	19
Глава 3-я,	36
Глава 4-я,	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Олег Никитин

Дело марсианцев

Глава 1-я, *в которой Тихон Иванович Балиор сочиняет знатную эклогу и приступает к поискам марсианцев. – Очевидцы говорят похоже. – Партия в ломбер. – Опасность похищения. – Трехколесные следы.*

Наконец после целой недели разливных дождей наступило бабье лето. Но еще до ненастья успели зерно в закрома упрятать, пока сухо было, а то бы и в этом году, как в прошлом, остались почти без урожая.

Радуюсь этому, а также теплой погоде и прелестям деревенской жизни, граф Тихон Иванович Балиор сочинил подходящую эклогу. Полночи, считай, свечи жег да перо гусиное глодал, подыскивая правильные слова. Полный пузырек свежих чернил, едва приготовленных из ванилина, и песку мелкого полную горсть извел. Стол свой рабочий, в поэтической комнатухе на втором этаже, почти целиком толстенными манускриптами завалил. Только отцову роговую трубку с каменной головкой, обтянутой кожей, не тронул, место ее было свято.

Перво-наперво поэт Василия Кирилловича Третьяковского с его «Новым и кратким способом к сложению российских стихов» извлек – да он и не прятался далеко, всегда под дещицею.

– Не надо ли чего, барин? – крикнула из-за дверей домашняя девушка Марфа, едва только вызвездило.

– Нет, Марфуша, работаю я, – озабоченно отозвался Тихон и второй том с полок поташил, а было то «Краткое руководство к красноречию» самого Михайлы Ломоносова.

Изрядно денег потратил Тихон на приобретение сих знатных трудов, и многих прочих, да только казалось ему в последнее время, что мало они помогают, все эти великие мужи. Право слово, уж лучше бы он своим умом до всего доходил, стихотворством чужим не увлекался. А то мудрые мысли голову посещают, красивые и славные, да на поверку чужие.

Отец Тихона умер от кори полтора года назад, а мать еще того раньше, во время родов. Из предыдущих детей только один Тихон и выжил. И не слаб духом оказался, сумел-таки угонять столичным родственникам по материной линии. В Сухопутном шляхетном кадетском корпусе, что в Санктпетербурге, восемь лет проучился! Совсем недолго уж оставалось ему тянуть ученическую лямку, после которой пойти на службу в пехотный полк, подпоручиком. Увы, помер отец, и влекомый сыновним долгом, принужден был Тихон пресечь свою блистательную карьеру и покинуть соучеников. Недавний Указ о вольности дворянства дал ему полное право отречься от государевой службы.

Тихон окончательно воротился в родовое гнездо Разуваевку, что уже век стояла в самом сердце «Рифейских верхов», по чудесному выражению Ломоносова. От веси до уездной столицы было всего шесть верст.

За время годичного отсутствия юноши в родных пенатах они порядком захирели, а может, такими неказистыми и были всегда, только он не замечал этого. Так или иначе, молодой помещик принялся с жаром понукать все свои сорок с малым взрослых и трудоспособных душ, чтобы и себя прокормить, и людей поддержать.

– Хлеб надобно сеять яровой, то бишь ячмень, ярицу да овес, озимую же пшеницу не след, – втолковывал Тихону дельный управитель. – Коли урожай вчетверо против посева, так он самолучший, а за ранними морозами и в убытке будем. – Молодой помещик внимал наставлениям, тщась постичь крестьянскую премудрость. – Землю сдабривать следует навозом елико возможно, а под яровой приготавливать пары в мае-июне, пахать два раза и боронить один, весною же как просохнет пахать единожды, а посеяв, боронить дважды...

– Ишь ты!

– Снопы же хлебные свозить в суслоны и выветривать, потом в гумнах клади кучковать, для молочения же в овинах сушить.

– Еще что-нибудь? – стонал граф Балиор.

– Дак ведомо что! Самое только главное и докладываю. В гумнах уже обмолачивать – молотилами на вертлюгах деревянными, от половы на ветру отсеять...

Вековая премудрость впитываться не хотела. Хорошо еще, что управляющий помещьем оказался слишком хорош в своем качестве, а то бы довел юный хозяйственник свою фамильную вотчину до полной разрухи, вычитав о хлебных новшествах в книжках да пожелав бороться с неурожаями на европейский манер. Однако ж не успел, образумился и доверил важные вопросы ушлому мужику.

Дочь его, Марфа, также при деле очутилась, не дала погрязнуть барину в свинстве.

Отца молодому графу долго еще не хватало. Нередко снился Тихону Иван Иванович Балиор, высокий и полный человек, ценитель старинных пышных париков и камзолов, завзятый курильщик трубки – нередко поэт заставлял отца в позе Петра, сидящим на веранде с устремленным вдаль взором. В последний год увлекся старый граф Балиор трактатом француза Сен-Мартена, и оставил повсюду выписки из его капитального труда «О заблуждениях и истине». Тихон порой обнаруживал их в разных неожиданных местах, прочитывал рассуждение о природе и познании и с теплотою прятал листки в шкатулку. В такие минуты он готов бы пожертвовать чем-нибудь весьма важным, да хоть и рукою, лишь бы отец вновь оказался дома и в полном здравии – увы, сказкам в этом мире места не было.

Препоручив имение заботам управляющего, Тихон отдал время возвышенному – поэзии. За время учебы в столице успел он приохотиться к этому благородному занятию, проштудировал массу ученых трудов по стихотворству и несчетное множество поэм со стихами. И сам сочинять пробовал, порой не без успеха. Соученики нередко отмечали его зреющий подспудно дар и просили на пирушках декламировать эротические вирши. Предпочитали, впрочем, творения уже признанных поэтов.

– Просыпайтесь, барин, денницу пропустите! – опять вскричала девушка, на этот раз уже поутру.

Но барин не проснулся, сквозь сон гневно прогнал настырную девицу. А ведь сам же просил разбудить его на заре, дабы полюбоваться ею из окна кабинета и записать, глядишь, две-три вдохновенных строки в тетрадь. Но эклога была благополучно сочинена, и просыпаться нужды не было.

Солнце стояло уже довольно высоко, когда Тихон принудил себя спустить ноги с дивана, на котором прилегал после ночных трудов. Вирши, аккуратно перенесенные на чистый лист, ласкали взгляд. Тут же аккуратно лежало еще три листа, размашисто исписанных черновыми заметками и промежуточными строфами. Бесценный материал для изучения дотошными потомками.

– Уж солнечны лучи всю землю оживляли!.. – воскликнул Тихон, распахнув окно. «Нарышкин, сукин сын! – пришла вдогонку досадливая мысль. – Шагу не ступишь, чтобы на чьи-то ямбы с хорейми не наступить».

Он подхватил свежую эклогу и спустился в гостиную, где его поджидал скромный деревенский завтрак – куропатка в грушевом соусе, галантин, пирог с яблоками и липец со све-

жайшим маньчжурским чаем. Но перво-наперво Тихон наведалься во двор, а потом с помощью девушки умылся и пригладил ежик волос мокрой рукою.

– Послушай-ка, Марфуша, что я нынче сочинил, – усевшись за стол, проговорил Тихон. – Шумящи желто-красны листья расстались всюду по долам... Ну как, нравится? – спросил он, покончив с эклогой.

И тогда уже с удовольствием накинута на еду. Девушка же, подперев голову, мечтательно ответила:

– Лепота! Однако ж, барин, мне ваши те стихи, которые срамные, более по нраву. Помните, в запрошлом годе на сеновале мне читывали? Сразу после сочинивши, как мы с вами в первый раз. Без всякой бумаги так душевно читали, я прямо алела как роза... Батюшка ваш чуть не застал нас тогда, в стайку зашел и ну кричать, вызывать к себе. Мы еще в сено закопались!

– То баловство, – осадил Марфу молодой поэт и смутился вслед за девицей. – Ненастоящее оно, потому как не поэзия вовсе, а пустое рифмоплетство. Такое безобразие в журналах не напечатают.

– А все ж забавно.

– Истинная поэзия, Марфуша, проникает вглубь сердец, живописует страсти и наблюдает сокровенное, – принялся Тихон пересказывать чьи-то возвышенные мысли. – Воспламеняет, говоря коротко, добродетели, воспекает доблести! А то что же за стишата, где про неприличное? Какова там добродетель, скажи мне? Похоть одна непотребная, прости Господи. Хорош в нынешнем году липец, однако...

– Так ведь страсти! Куда уж страстнее-то, когда до крайности доходит и подол задираете? Ну, вам-то виднее, барин, – смирилась Марфа, – поелику в столицах обучались. А то вот еще что стряслось, – горячо зашептала она, зачем-то оглядевшись по углам гостиной. – Утром папаша сказывал, ужас-то какой в соседнем селе видали. Вот где страсти-то!

– Да что случилось? Гумно сгорело?

– Какое там! Марсианцев ночью видали, на воздухолете, – совсем уж съезжилась девушка.

– Эка! – расхохотался Тихон. – Прямиком с Марса прибыли, что ли?

– Сосед ваш, Акинфий Панкратьевич, так сказал.

– Так это у него в Облучкове такие ужасы?

– О чем и говорю! Истинно марсианцы прилетали, чуть кузнеца Прокопа не выкрали к себе в Марсианию.

– Тогда уж «марсианцы»!

– Я и говорю.

– Да уж, какие только чудеса по осени не случаются, когда урожаем собран и мужичье бражку день-деньской хлещет.

– Вот вы не верите, барин, а оно так и было. По-над деревьями летели и огоньками по краям воздухолета помаргивали, вот вам крест. Я папаше верю, он лишнего отродясь не брехал.

– Ну, Господь им судья, марсианцам, – отмахнулся Тихон и отставил чай. – Коли не арестовал их и не спалил огнем адовым, когда они мимо него пролетали, значит они добрые существа и ему покорные. И нам зла не сотворят.

На это Марфа не нашла что возразить, и ее повеселевший вид показал барину, что девушка успокоена таким соображением. Ее круглое розовощекое лицо разгладилось, и с сомнительной частушкой на устах она приступила к хлопотам по хозяйству.

Тихон же принялся совершать туалет, ибо наметил нынче посетить губернскую типографию. Начальник ее, полковник в отставке Матвей Степанович Толбукин, с сочувствием относился к поэтическим штудиям молодого помещика. Он благосклонно выслушал жаркие увещевания Тихона учредить при типографии журнал по примеру столичного, где печатались бы современные оды и другие литературные безделки. И название Толбукину понравилось –

«Лекарство от скуки и забот». Однако пока отставной полковник не торопился ходатайствовать перед генерал-губернатором, князем Хунуковым, об учреждении развлекательного журнала, поскольку газета «Губернские ведомости» и без того отводила четверть последней страницы под стихотворство.

Оделся Тихон сообразно торжественному случаю. В ход пошли *robe de chambre* и белые чулки с шерстяными кюлотами, ставшими вдруг маловатыми из-за наступившей внезапно легкой полноты графа Балиора. Поверх рубашки он надел синий шелковый жилет, оставшийся ему от отца – вышитый чудесными узорами, с множеством медных пуговиц. По случаю доброй погоды рокелор он не стал надевать, а вместо этого облачился в бархатный кафтан с широкими рукавами. Пусть уже и выходит он из моды, и смешно смотрятся его карманы и обшлага, и вышивка золотыми нитками... «Не в свет еду, а к ретрограду Толбукину», – утешился поэт и повязал на шею белый галстук.

Голову он украсил скромным париком *la financière*, еще столичным, и обильно напудрил его, а довершил облик простой шляпой *anglomane*. Уже на выходе Тихон надел любимые тупоносые туфли с медными пряжками, сунул в кармашек часы на серебряной цепочке, пристегнул к поясу шпагу и надел перчатки.

Хорош! Зеркало ничуть не врало. Теперь и в типографию с новым творением явиться не стыдно.

Барбоска резво выскочил ему навстречу из псарни и принялся с лаем кружиться вокруг.

– Рано еще на ловитву! – Граф Балиор потрепал лайку по крупной голове и ненадолго присел рядом с псом, чтобы повозиться с ним и порычать на пару. – Хорошо, ты прав, давно уж пора. Только не сегодня, ладно? Ну все, все, отвяжись!

Конюшему он еще до завтрака приказал запрячь в дрожки двух лошадей, а потому без промедления отправился в славный губернский город Епанчин. Правил он, как обычно, сам, поскольку кучера из экономии не держал.

Через полчаса граф Балиор миновал почтовую заставу. По причине погожего дня праздного люда на улицах было предостаточно, и отвыкший от толчеи Тихон то и дело дергал поводья, опасаясь сбить замечтавшуюся матрону или раздавить малолетнего шалопаю, пускающего в луже фрегат. Да еще дорогу старался выбирать получше, чтобы не угодить всеми колесами в преглубокую яму или не напороться на завал из сломанных досок, чуть прикрытых мутной водой. Уж на что за городом не мостят дороги, а там проще ездить...

Когда он прибыл к месту назначения, часы на ратуше уже отбили полдень. В типографии, как обычно, густо пахло краской, и молодой поэт с наслаждением вдохнул дух учености и просвещения.

Матвей Степанович, по счастью, оказался в своем кабинете и позволил секретарю запустить посетителя.

– Тихон Иванович! – сдержанно обрадовался отставной полковник и приподнял сухопарое тело с кресла. – И вид какой у вас сообразный погоде, сударь! Счастье, истинно счастье на лице написано. Неужто жениться надумали? Пора, пора!

– С чего бы это? – опешил Тихон.

– Знаю, знаю! – лукаво погрозил ему старик. – Все об Манефе грезите! Эх, молодежь, где только ваши глаза? Девушка должна быть простой, а то красота излишняя ослепляет и к беде ведет. Что за нравы! Все на одну девицу глядите, а других не замечаете вовсе.

У Толбукина имелась на выданье дочь двадцати лет отроду, вполне заурядная девушка. Как и многих видных горожан, его раздражало всеобщее преклонение молодых людей перед красноречием и небывалой прелестью Манефы, дочери управителя семнадцати казенных заводов Петра Дидимова – медеплавильных, железоделательных и чугуноплавильных, а также владельца немалых лесных угодий и нескольких деревень.

– Глядишь, и с журналом увеселительным дело бы пошло, – по-солдатски прозрачно намекнул Матвей Степанович. – Уже и Архимандрит мне сочувствие в этом вопросе выказал.

– А вот кстати для журнала и очередное произведение готово, – подхватил Тихон и предъявил начальнику эклогу. – Я сам прочитаю, послушайте.

Не дав времени на возражения, поэт принялся с душою и внятно декламировать плод своих ночных трудов. Не хуже иного столичного актера выступал, помогая себе мимикой, и в минуту он буквально развернул перед слушателем прелестный вид осенней природы. Окончив вдохновенное чтение, Тихон с надеждой взглянул на отставного полковника.

– Чудесно! – кивнул тот. – Шумящи желто-красны листья!.. Или красно-желты? Да, это изображение. – Он принялся рыться в завалах на столе и вдруг извлек на свет весьма потрепанный номер столичного журнала «Праздное время», и принялся его перелистывать. – Вот, у генерал-прокурора взял ознакомиться. Надо же ведать, с чем дело иметь будем, коли губернатор «добро» на ваш журнал даст. Истинно, истинно не хуже санктпетербургских пиитов стихотворствуете, сударь. Российский Лафонтен! Где же я видал? А, вот! «Шумящи красно-желты листья расстались всюду по тропам...» Неужто ваши тут стихи? А! Так вот же подпись указана.

– Да? – почернел лицом Тихон.

– Тут буквы только, «Г. Д.». Ведь это ваше стихотворение, сударь?

– Нет, – честно признался поэт.

– Ну, слава Богу, а то уж я грешным делом решил, будто вы по два раза продавать свои творения удумали, слова только передвинув.

Тихон не хотел признаваться Матвеем Степановичу, что напечатал в «Праздном времени» всего одно эротическое стихотворение о воображаемой девице по примеру той, о какой грезил испанский дон Кихот. Водить шашни в кадетском корпусе было никак невозможно. Откровенно говоря, вдохновила Тихона Марфа, как его первая девушка, но не признаваться же всякому, будто его благородная дама сердца – дворовая крестьянка. Такое даже близким друзьям сообщать не след, хотя они и сами не ангелы. Однако ж посмеются и будут правы.

– Что вы говорите, сударь? – ужаснулся молодой помещик.

После чего в досаде вскочил и придвинул к себе пресловутый столичный журнал с чужими стишатами. Да, так и есть! Проклятые красно-желтые листья шумели-таки на его страницах. Но каков подлец! Тихон искренне негодовал – разумеется, не на безвестного стихоплета, а на самого себя.

– Ну что за напасть такая, Господи, – схватился он за голову. – Стоит лишь мельком прочитать чужие вирши, как западают в память намертво. Не хочу ничего помнить, а не выходит! Думаю, метафоры отыскиваю, слова единственно правильные, и что же? Сказано, спето!

И он чуть не плача постучал себе по макушке кулаком, словно желая всякую память из нее вышибить.

– Охотно верю, сударь, – поддакнул Толбукин. – Однако каков анекдот для салона, признайтесь.

– Я же не нарочно, – побледнел Тихон.

– И в это верю, милый мой вития. Mais quelle anecdote!¹ Жалко, право, если я не смогу поделиться им с приятелями.

– Помнится, вы просили меня сочинить поэтические дифирамбы в честь князя Санковича... Я готов. Было бы недостойно меня как подданного Ее Величества пропустить первые в нашей гиштории выборы городского головы и не поддержать отличного человека звонкою рифмою. Благо поводов к тому предостаточно – и милостыни он раздает, и на обучение детей тратится! Вот и храмы украшает с церковными причтами, да и саму церковь новую отстроил.

¹ Да ведь анекдот каков! (фр.)

– Меня уже можете не склонять, Тихон Иванович, я с выбором определился, – хмыкнул Толбукин и подумал с минуту. – Как бы чего снова не отчебучили, сударь. Слишком уж память у вас хороша! Нет, давайте в прозе на этот раз напишем, и есть для того у меня дельный сотрудник, хоть и не поэт... А вот принесите-ка мне, сударь, забавный рассказ для увеселения публики, о марсианцах. Говорят, видели их над окраиной с южной стороны, над дорожкой в ваше поместье. Вот об том и напишите как будто судебное расследование, со свидетелями и так далее. Справитесь?

– И вы туда же, – пробормотал Тихон. – Эка всякая глупость быстро по земле бежит, словно пожар в лесу.

– Пусть это будет научная и увеселительная повесть о путешественниках с другой планеты. Как они пробирались через междупланетное пространство на своем воздухолете, и что им может понадобиться в наших весах, – хохотнул Матвей Степанович. – Надо ли их бояться и как оборонить дома от невиданного оружия? Пушки на пару, бьющие на пять верст фузеи, крылатые снаряды... Или послов наших пора в Марсианию снаряжать? Ну да сами сообразите. И что об том Невтон говорил, ежели он вообще такой темы касался – авторитет аглицкий!

Довольный собой и своею военной хитростью, отставной полковник накрутил на палец бую и откинулся в кресле. Тихон понял, что деваться некуда, и собрался уйти. Вид его был достаточно жалок, однако добрый начальник типографии не рассмеялся – напротив, глянул одобритительно.

– А там и о журнале подумайте, и что для сего благородного дела еще сотворить можете, помимо стихоплетства, – добавил он и поднял палец. – Какой, так сказать, достойный поступок.

– Непременно поразмыслию, Матвей Степанович. Прощайте.

– Да не кручиньтесь вы так, Тихон Иванович! Не в стихах счастье. И должен кстати вам сказать, что иные вирши у вас куда забавнее выходят...

Молодой поэт словно уткнулся носом в стену. Повернувшись от дверей, он холодно уставился на Толбукина и натянул на лицо маску недоумения.

– О чем это вы толкуете, сударь?

– Неужто не ваши? – всплеснул руками начальник. – Врет молва, значит?

– Как есть врет!

– Ну да Бог с ними, с окольными плевами. Ступайте, сударь, и будьте у меня денька через два-три с вашей заметкою о марсианцах. Вот ее непременно в газете пропечатаю. Сегодня же вторник? Вот в пятницу и захаживайте.

«Невтон! Что же напасть с какой-то ерундой! – думал Тихон, понуро минуя секретаря и спускаясь по узкой, затертой лестнице к оставленным у подъезда дрожкам. – Но я-то каков! Положительно, неудачи подстерегают меня на тернистом пути стихотворства». Он уже готов был угодить в оказию с дрожками и ударить покрепче собственную голову, чтобы напрочь лишить ее поэтической памяти.

Нежеланная слава похабного рифмоплета также неприятно угнетала его. Надобно вовсе прекращать такое разнузданное сочинительство, пока слух не стал всеобщим и не повлек серьезные неприятности с духовными властями.

Несолоно хлебавши поехал он обратно, даже в харчевню не завернул, как поначалу намеревался.

– По всей земле пииты днесь плодятся, но редко истинны пииты где родятся; не всех на Геликон судьба возводит нас... – бормотал он себе под нос.

Развилка была в двух верстах от заставы. Ежели верить Толбукину, где-то здесь крестьяне видали воздухолет марсианцев. Интересно, откуда они могли узнать, что это не бес шалит, а междупланетные гости пожаловали? Наверняка кто-то из государевых служащих, послушав их бредни, свою теорию изобрел.

Вокруг простирались безлесные холмы со скошенной травой. Крупные деревья тут давно порубили на дрова и для того, чтобы освободить земли под пастбища и покосы, поэтому спрятаться воздухолету было негде. Приложив ладонь ко лбу, чтобы уберечь глаза от яркого солнца и заодно походить на этакого богатыря на распутье, молодой поэт прямо с облучка обвел родные Рифейские земли пристальным взором. Вплоть до близкого горизонта, куда ни глянь, было пусто. Ни человека, ни коровы, одни только галки да воробьи мельтешат.

На восток, верстах в двадцати, видны были коричневые от старости и приземистые скалы, где в прежние годы добывалось золото. На севере поблескивали маковки городских церквей. На западе только холмы да луга – и узкая дорога, что вела в поместье Тихона. И на юг дорога, а по ней можно быстро доехать до Облучкова, владения Акинфия Маргаринаова.

Вот на этом-то «тракте» и возникла из-за кустов телега с пузатым крестьянином. Вез он, судя по всему, зерно на мельницу. При виде барина мужик осадил клячу, спрыгнул на землю и сорвал шапку.

– Маргариновский?

– Точно так, вашсясь.

– Марсианцев видал?

– А то как же! – обрадовался крестьянин. – Почитай, вся деревня их видала. Собачье как давай заполночь брехать, что всех перебудили. И я в окно глянул, а там марсианцы!

– Да почему ты знаешь, что они? Может, венерианцы или башкиры? Или черти?

– Упаси Бог! – перекрестился очевидец. – Так барин же сказал, Акинфий Панкратьевич, что марсианцы. Чуть Прокопа-кузнеца к себе на воздухолет не уволокли, тати!

– И как он выглядел, этот ваш воздухолет?

– Обыкновенно, как еще. Огоньки по краю мигают, а по бокам и сверху что-то крутится, словно хвосты конские. А большой, страсть!

– И куда полетел?

– Прокопа уволочь, говорю же.

– Тьфу ты! – сплюнул Тихон. – И где вашего Прокопа днесь отыскать? На небесах, в воздухолете?

– Что вы такое говорите, барин? Живой он, в кузне работает поди.

– А потом их видал, после Прокопа?

– Нет, поскорей шторы задернули – и в кровать, под одеяло! Страшно же.

Тихон покачал головой и щелкнул кнутом. Вместо того, чтобы ехать напрямик домой и обедать, он принужден теперь разговаривать с простолюдинами о пустяках. Хотя... Недаром же все тут в один голос твердят о марсианцах? Глядишь, и явились к нам невиданные летуны! И куда только Бог смотрит?

Смирившись с неизбежным, «следователь» повеселел – как-никак, близится время обеда, и будет приятно навестить заодно старого, еще с детства друга и сестру его, Глафиру. Очень приятная девушка, пусть и не такая обворожительная, как Манефа. Опять же, про Невтона лучше всего у Акинфия выспрашивать, он в науках силен, будто академик элоквенции.

Не въезжая в Облучково, Тихон свернул на господскую дорогу и по липовой аллее подкатил к усадьбе Маргариновых. Здесь волнующий дух щей и цыплячьего пирога с яйцами властно поманил его в дом соседа. Быстро миновав сушильную и прачечную, кладовую для скотских уборов и хлебный амбар, он добрался до каретного сарая с конюшнею и сдал лошадей на попечение конюху. Тот как раз случился рядом, подновлял барские сани.

Медный колокольчик возвестил о неожиданном прибытии гостя.

Прислуживала в доме одна лишь служанка, и повариха и прачка в одном лице, остальные слуги во флигеле обретались. Она-то и провела без разговоров гостя в столовую, где Акинфий с Глафирой уже поджидали его, словно он уговаривался с ними о визите. Да и то слово, здесь он бывал запросто и мог, пожалуй, даже ночью прибыть, доведись такая оказия.

– Принеси графу куверт, Фетинья, – распорядилась хозяйка и вежливо указала на стул подле себя. – Что же вы редко нас навещаете, Тихон Иванович! Неужто не помните, как в прошлый раз обещались бывать хоть бы раз в неделю?

Глафире в августе исполнилось шестнадцать лет, и девушка вступила в самую пору цветения – смущалась по любому подходящему поводу и поминутно теребила вышитый саморучно платок. Их у нее было великое множество, один прелестнее другого. До Манефиной красы, впрочем, ей было далековато, однако же имелась в ней и собственная прелесть, не видная каждому, такая потаенная горячность и даже одухотворенность, что позволяли ей с равным интересом внимать как поэтическим экзерсисам Тихона, так и ученым рассуждениям брата. Все это не мешало ей со вниманием относиться к писанине Брюса – его календарь, собственноручно переписанный, служил ей настольной книгой.

Длинные и светлые, будто у чухонки волосы она уложила пышной копной и скрепила серебряными заколками. Одета она была сейчас по-домашнему, *negligé* – из верхнего белья лишь юбка и распашная кофточка вишневого цвета с широкой баской. Но и для балов в Дворянском Собрании у нее находились наряды пусть и незамысловатые, зато изящные.

– Не то я помню, что потребно, – вздохнул Тихон и приветствовал Акинфия дружеским поклоном. – Прошу простить меня, что врываюсь вот так посередине дня, однако привела меня в ваши веси немалая забота. Пообещал Толбукину, что вызнаю все про марсианцев проклятых с их воздухолетом. Втемяшилось же в голову старику такая блажь!

Он на минутку приложил ладони к печи, покрытой узорчатыми изразцами, чтобы онемевшие на холоде пальцы немного размякли.

– Кому же о том писать, как не пииту, – возразил Акинфий. – «Науки юношей питают»! Верно Михайло Ломоносов изрек.

– Вот тебя они и питают. А мне надобно мяса.

Тут кстати и служанка появилась с оловянными тарелками и прочими столовыми приборами, так что Тихон на деле принялся доказывать свою приверженность физическим усладам, одним из каковых и является здоровое и сытное питание.

– Какой же юноша из меня, братец? Это ты у нас розовощек и млекопитающ.

– *Les côtelettes me faites, la côtelette!*² И заморского картофеля поболее.

Еще жареное вымя с солеными огурчиками, и настойка домашняя, малиновая – ничто похвального аппетита Тихона не избегло.

В детстве он не слишком-то знался с начитанным и высокомерным Акинфием, даже отчасти побаивался соседского сына – весьма великой казалась ему разница в возрасте. Десять лет почти, шутка ли. Теперь уже не так, конечно. Можно сказать, что Акинфий Маргаринов, уйдя два года назад в отставку в чине прапорщика из Преображенского полка и поселившись в своем Облучково, стал ближайшим другом и собеседником Тихона.

А повоевал он славно, до самого Берлина под командой фельдмаршала Салтыкова дошагал. Выйдя в отставку, Акинфий носил исключительно солдатского покроя атласный кафтан и лосины, подпоясывался кожаным поясом, а на ноги обувал заходившие за колена ботфорты. Даже за обедом он был одет торжественно, вот только парик не нахлобучил – жарко, да и без надобности в деревне.

Государеву службу оставил Акинфий потому, что возмечтал отдать себя целиком служению наукам – арифметике, механике и алхимии, а также и всем прочим по мере надобности. И родители его не возражали, только рады были. Проживали они в собственном городском доме, и хозяйский глаз за усадьбой был только кстати.

Вообще, Маргариновы были обеспеченной семьей, более двух тысяч душ у них в четырех деревнях проживало, из них душ семьсот в Облучково. Хотя в самой усадьбе много не держали,

² Котелеты мне, котелеты! (фр.)

только конюха, сторожа, повариху и домоправителя, они же и прочие обязанности исполняли – каретника, портного, истопника, квасника и все остальные по мере надобности. Запросы у Акинфия были скромные.

Глафира приехала навестить брата в августе, да так и осталась. Впрочем, уже через неделю ей предстояло вернуться в родительский дом, чтобы продолжить образование с приходящими учителями.

– Дело марсианцев, значит, расследуешь? – с улыбкой спросил механик.

После великолепного обеда Тихон извлек из кармана кисет, Акинфий же припал к табакерке. К удивлению поэта, Глафира не последовала их примеру – кажется, мода ее не трогала, как в нарядах, так и в пристрастиях. А может, косные родители отчего-то запретили ей нюхать табак до замужества.

Годы воинской службы оставили на Акинфии явственный отпечаток – этот молодой еще человек двадцати восьми лет походил скорее на солдата, чем ученого. Хотя и невелик ростом, был он дюж здоровьем и крепок, и сутками мог мастерить разнообразные физические приборы, забывая о сне и пище. В остальное же время штудировал новейшие ученые писания, которые выписывал в Академии, или учинял экспедиции за минералами.

Из книг сейчас он изучал Невтона и труд некоего Дмитриева-Мамонова «Дворянин-философ», где толковалось устройство Солнечной системы. Аристотеля и других старых авторитетов, понятно, знал он уже почти наизусть.

Порой Акинфий выезжал в свет, на балы, однако танцевал не слишком умело, тайно этого стыдился и полагал себя неотесанным увальнем.

А после того конфуза, когда полгода назад Акинфий сделал предложение Манефе Дидимовой и услышал громкий и насмешливый отказ, он поклялся страшной клятвой, что ноги его больше в свете не будет, покуда сама память о «позоре» его не сотрется из памяти людской. Его научное рвение с того дня утроилось. Видимо, решил он обрести всероссийскую славу по примеру великих мужей Ломоносова, Крафта и прочих, чтобы Манефа когда-нибудь, пусть даже будучи дряхлой старухой, раскаялась в своем обидном смехе.

– Ты вот мне что скажи, дружище Акинфий, – молвил расслабленно Тихон. – В междупланетном пространстве есть воздух?

– Что за глупый вопрос! – рассмеялся ученый.

– Нисколько не глупый, – вступилась за поэта Глафира. – Мне тоже, например, интересно. Не всем же в физических науках блистать, некоторые в изящных искусствах знатоки.

– Между планетами воздуха нет. Читайте Ломоносова, друже, и других профессоров. Их натуральные стихотворения сейчас вполне доступны, диссертации же заказывать надо почтой из Санктпетербурга.

– И на Марсе есть люди? – продолжал расследование Тихон.

– Sans doute!³ «Новую астрономию» Кеплера читайте. И Скиапарелли-итальянец о том книгу сочинил, неужто не знаете? Он построил оптическую трубу под названием «телескоп», – с усмешкой вещал Акинфий, потешаясь над невеждами, – и разглядел в нее леса, реки и горы наподобие наших. Единственно, почва там красна из-за железных окислов, а в прочем разницы никакой не наблюдается. То можно считать непреложным фактом, что марсианцы живут на своей планете в пример нам, и на небо в телескопы еженощно глядят.

– И Землю нашу видали?

– Ежели не слепы словно кроты или рыбы глубинные, точно видали.

– Ну, кротам телескопы без надобности... Если в междупланетном пространстве нет никакого воздуха, каким путем марсианцы могли одолеть великую пустошь от Марса до Земли?

³ Несомненно! (фр.)

– Я думаю так, – ответил Акинфий, поразмыслив. – Они построили большой закрытый корабль из дерева, обитого железными пластинами, и посадили его на Луне. Оттуда уже из пушки выстрелили в нашу сторону другим кораблем, поменьше. Впрочем, могли и вовсе без Луны обойтись, ежели тамошние коротышки им неинтересны.

– Постой-ка! – вскричал Тихон. – Так ты не смеешься, что ли?

– Над чем, дружище?

– Ты веришь, что марсианцы на каком-то мигающем воздухолете прилетели в наши горы и замыслили похитить человека для ознакомления с нашей анатомией?

– Отчего бы и нет? «Там разных множество светов»! Вот как Ломоносов сказывал о разумных обитателях подсолнечного мира. И мы когда-нибудь полетим на Марс, чтобы поздороваться с иными человеками и учредить земное посольство, – убежденно заявил Акинфий.

– И ты такой покойный, будто сфинкс египетский? При твоей жизни случается величайшее событие небывалой мощи, а ты гладишь живот, нюхаешь табак и похрюкиваешь в усы? Да ты потешаешься надо мною!

– И правда, братец, – заметила Глафира укоризненно. – Тихон Иванович расследует такой небывалый случай, а ты будто не чудишься нисколько.

– Совершенно согласен, – кивнул ученый. – Событие века! Ну так я свое утром отволновался, когда Прокоп чуть не седой ко мне прибежал с рассказом. Еще несколько человек в селе видели тот воздухолет. И описания похожие – большой, с огнями и лопастями словно у мельницы, только не наклонными, а плоскими, по горизонту. Да может, пойдем ко мне в кабинет, если тебе это так надобно? Я и рисунок уже набросал.

– Заодно уж и факты для заметки будущей запишу...

Они поднялись на второй этаж дома, где Акинфий учредил лабораторию по наблюдениям за природными чудесами. Глафира же сочла подобающим удалиться в свою комнату с мотком тонкой голландской льняной нити, купленным ею для плетения кружев.

– «Езду в остров любви» читает, – вполголоса поведал ученый. – Отыскала у родителей в шкапу...

Прибираться в лаборатории Фетинье было строжайше запрещено, и оттого в этом храме науки царил подлинный хаос. В одном углу было отгорожено место под алхимические опыты, и там на столе блестели боками сонмы стеклянных сосудов и горелка, лежали глиняная ступка, творило и тому подобные предметы неведомого поэту назначения.

Напротив окна возвышался на треноге настоящий телескоп, собранный Акинфием по картинкам из ученых журналов Академии. Стекла для него он заказывал аж на киевской стекольной мануфактуре по особым чертежам.

В остальных же местах кабинета были разбросаны причудливые конструкции из дерева и металла, громоздились кипы бумаг с таинственными расчетами... Отдельно лежали переводные трактаты по самым разным наукам, в том числе редкие книги Декарта, Тихо Браге и Галилея. Аристотелевых книг и комментариев на них было в избытке, разве только «Поэтики» и «Риторики» тут не валялось – изящные науки механик не жаловал.

Имелось здесь также колесо с рукояткою, которое, по уверениям Акинфия, производило электричество наподобие небесного. Тихон, во всяком случае, однажды лично наблюдал маленькую трескучую молнию, что прыгала промеж двух медных шариков, когда ученый крутил колесо.

Самые масштабные, Впрочем, свои сооружения Акинфий мастерил в сарае рядом с домом. Когда-то в этом домишке располагалась то ли пивоварня, то ли солодовня, а вот механик учредил там оплот науки. В мастерскую никто не допускался, даже Тихону не довелось побывать там. Да он и не стремился, хватало виденного в этой лаборатории.

– И в эту трубу ты разглядел марсианцев? – приступил к основательному опросу Тихон, припав к телескопу. В окуляр ровным счетом ничего не было видно, кроме густо-синего кусочка неба.

– Была бы у меня ночезрительная труба! – в досаде отвечал Акинфий. – То я бы, бесспорно, будучи предупрежден об их визите заранее, сумел бы увидеть куда более, чем просто-людины. Но ничего, вот сооружу в сарае подлинный телескоп, для всякой погоды и времени суток пригодный, вот тогда и поглядим. От этой игрушки только студентам безусым польза, что в науках покамест не смыслят. Открытий чудных с нею не совершить.

Тихон пребывал в изрядном смятении. Сосед его и добрый товарищ всегда отличался скептическим взглядом на бытие, читывал древних и современных философов. Наконец, исправно посещал воскресные службы в Свято-Троицком соборе и признавал за человеком пальму верховенства во всяких делах в этом мире.

А тут вдруг воспринял крестьянские бредни за Божественное откровение и готов подписаться под ними! Где его критический ум?

– И что, воздухолет сей приземлялся? Колеса, может, где отпечатались или прочие следы замечены?

– Нет, покружил над кузней и улетел в сторону города, а потом пропал. Три человека его и видело, и все в один голос одинаковое твердят. В размерах только расходятся. У Прокопа он величиною с дом, у прочих и того громаднее.

Акинфий развалился в своем рабочем кресле и предложил другу второе, поскромнее. Затем он потряс кисетом над трубкой, набил ее и не торопясь раскурил, чиркнув спичкой. Все это время Тихон думал, чем бы сбить с ученого его несказанную уверенность в явлении марсианцев на Землю.

– А не могло быть то природное явление? Шаровые молнии, к примеру, о которых ты нам с Глафирой в прошлом месяце поведал? Или огни Святого Эльма, скажем?

После той лекции у Тихона в памяти, разумеется, осело множество терминов и фактов – глядишь, и сгодятся при стихотворстве. Как говаривал Аристотель, «всего важнее быть искусным в метафорах; это признак таланта, только этого нельзя занять у другого, потому что слагать хорошие метафоры – значит подмечать сходство». Вот неизбитые метафоры молодой поэт и надеялся отыскать в науках и разных точных фактах, но пока не очень удачно.

– Нет, – уперся Акинфий. – Человеку всюду место найдется, не только на матушке Земле. О том и великие европейские ученые писали, например Бэкон.

– *Est-il possible?*⁴ Знать бы еще, чем он славен...

Тихон вспомнил, что Толбукин особо указал на подходящие цитаты из Ньютона и других знаменитостей. О том и сообщил другу. Тот улыбнулся и снял со стопки бумаг самую свежую, как будто только ждавшую просьбы поэта.

– Вот, с утра к мудрым припал, мысли выписал. Возьми, перепиши в заметку.

– Да ты всю розыскную работу за меня проделал! – натянуто рассмеялся Тихон.

– Пользуйся, дружище. Тут из «Явления Венеры на Солнце» есть, у Вольтера в «Естественном законе» и «Микромегасе» кое-что стянул...

– Наше вам merci! За то упомяну твое имя первым в списке лучших умов современности, что пойдут в посольство марсианское с ликованием. Те прочитают и возьмут тебя на воздухолет вместо неграмотного Прокопа.

– С нашим удовольствием!

Похоже, вопрос возмещения типографского конфуза благополучно решался. Оставалось лишь начисто записать рассказы крестьян и подкрепить их авторитетом европейских и

⁴ Неужто? (фр.)

доморощенных умов, чтобы заметка вышла развлекательной и поучительной сразу. Что, собственно, и требовалось продувному Матвею Степановичу.

– А не сыграть ли нам в ломбер? – предложил Акинфий. – Прочитал на той неделе выдумку некоего Майкова, «Игрок ломбера», и даже проникся поэзией страстей. Надо порою о высоком забывать, находить удовольствие в быту. Раз уж ты нынче к нам в гости примчался, дам себе отдых от нового телескопа. Да и стемнеет уж скоро.

– Что ж, отчего бы не сыграть?

Тихон нравились беседы с этими людьми, причем с Глафирой даже больше, чем с ее ученым братом. Если Акинфий тяготел к монументальным обобщениям, то девушка находила особое удовольствие в противоречии ему со стороны житейской. Или, вернее, общественной: даст ли какое изобретение или знание пользу российским людям и государству, или нет? Ежели нет, то и думать об этом не след – таково было ее крепкое убеждение.

Тихон же порой разбавлял их споры виршами. Один раз решил и продекламировал наполовину приличное эротическое стихотворение. «Обнажены перси», жаркие объятья и так далее. Глафира встретила его стихотворство отчаянным смущением и сердито покинула общество, Акинфий же по-солдатски искренне смеялся.

К вечеру набежали тучи, стало как в сумерках, поэтому Фетинья зажгла на люстре свечи. Началась игра – не на деньги, так, чтобы было чем заниматься в паузах между репликами.

– Вы уже знаете, в чем посетите машкерад, сударь? – осведомилась Глафира.

– Думаю нарядиться Мольером. Парик надену отцовский, «львиную гриву». А ты, Акинфий, чем общество поразишь? Только не говори, что вдругорядь Аристотелем обрядишься, как весной.

– Я вовсе не поеду, – напряженно проговорил ученый.

– Как? – в один голос вскричали Тихон и Глафира.

– Да так. Что я, обязан? Не поеду, и все тут, а вы скажете кому интересно, что я захворал.

– «Вовеки не пленюсь красавицей иной!» – дурашливо пропел поэт. Этим он намекал, что недавнее признание Акинфия в любви Манефе и предложение руки обернулись для друга душевной драмой. – Все уже позабыли о давешнем твоём предложении. Да эта Манефа уже знаешь сколько жестоко отбрила? Причем вслух и прилюдно. Твое-то предложение на фоне прочих давно померкло, можно уже перестать о том думать. Она поклонников меняет как табакерки, почти каждый день!

– Зато я все помню! Для меня это было словно вчера. И кстати, меня среди ее кавалеров пока что не было, не наговаривай на даму.

– Ваши стихи, Тихон? – улыбнулась Глафира. – «Вовеки не пленюсь...» и все прочее. Очень славно, почитайте!

– Господина Ржевского, – помрачнел тот.

– Не дает тебе покою слава Хераскова, – погрозил ему пальцем Акинфий. – А зря, зря ты за великими вслед идешь, у тебя своя дорога прямая. Прочитал бы, что ли, еще какие эротические вирши, не в пример забавные после сумароковских.

– Братец! – рассердилась девушка. – Я немедленно оставлю игру, коли вы оба поносные глупости приметесь оглашать. *Ne s'oubliez pas!*⁵

– Шучу я.

– Никаких куртуазных стишат, – заверил ее Тихон и открыто подмигнул товарищу.

Они дружно рассмеялись и продолжили игру, чтобы дать время Глафире оправиться от смущения.

– Черви, бубны, пики, желуди всех нас разорили и, лишив нас пропитанья, гладом помогили... – довольным тоном пропел Акинфий. Нынче у него ладилось с картами.

⁵ Не забывайтесь! (фр.)

– Так ты действительно намерен пропустить карусель? – скоро спросил поэт. – Опомнись! Может, это твой последний способ заполучить непокорную Манефу. Покажешь ей чудное научное устройство и поразишь электричеством в самое сердце.

– Я наметил недельный поход за минералами, меня не будет ни здесь, ни в городе. И так уже затянул с экспедицией, до снега надобно целый пуд разных камней отыскать да приволочь. Нет, дружище, сей раз без меня повеселитесь. К тому же Дидимов меня скорее пристрелит, а дочь все равно не отдаст за бедняка.

– У тебя наследство-то велико, не то что мои три кола, два двора.

– По сравнению с его богатствами ничтожно. И довольно о Манефе, без нее хватает девиц. Кстати, ты у нас графского звания, а я безо всякого.

– Что в наше просвещенное время стоит звание без денег?

Тут Тихон поймал на себе мимолетный взгляд Глафиры, и ему почудилось в нем тайное обожание и даже поклонение, словно он божество с Парнаса. Поэт сморгнул в недоумении, и в следующее мгновение убедился, что девушка глядит на него с обыкновенной улыбкой – доброжелательной и не более.

После скользких разговоров о любви и браке речь вновь зашла о распроклятых марсианцах. Акинфий в очередной раз горячо уверил Тихона, что они в скором времени еще дадут о себе знать. Возможно, даже уволокут к себе на воздухолет важную персону, чтобы обследовать ее и завязать знакомство накоротке.

– Почему «ее»? Ты думаешь, они хотят украсть женщину?

– Я говорю про «персону», а не женщину! А может, мне все мерещится... Но ты все равно предупреди читателей, чтобы остерегались в одиночку по ночам гулять, особенно за городом.

– Хорошо, – пожал плечами Тихон. – Надо же какие-то «научные» предсказания в заметке сделать.

Незаметно подошел вечер, и хлебосольные хозяева предложили молодому поэту остаться на ужин. Отвергнуть жареного бекаса с ломтиками печеного в птичьем соку хлеба Тихон не сумел, также как и отказаться от изюмной наливки домашнего приготовления. Но переедать не стал, добавок не просил, чтобы сохранить легкость для обратного путешествия домой.

На крыльцо его проводила Глафира.

– Сударь, соблаговолите исполнить крошечную просьбу, – смущаясь, молвила она. – Поскольку братец мой в экспедицию наострился, пособите мне до родительского дома добраться накануне машкерада. Явиться в Собрание одинокой было бы несуразностью.

– Я мог бы стать вашим проводником, – вырвалось у Тихона. Видимо, спиртные пары ударили ему в голову, и вдобавок ее вскружила свежесть юной девицы, что стояла буквально в шаге от него. – Уж во всяком случае, первый полонез нижайше прошу оставить за мною.

– Vous gentil⁶, – буркнула Глафира и дотронулась до щеки поэта теплыми губами.

Тотчас, впрочем, зарделась и скользнула в дверь.

Тихон принял повод от конюшего и забрался в дрожки, едва не растянувшись по ходу дела в пыли. Мало что видя вокруг, он направил лошадей прочь от усадьбы, и мечталось ему при этом странное – то Манефа в неглиже, а то вдруг Глафира, вздумавшая затмить собою образ прелестной дочери заводчика Дидимова.

Далеко он не отъехал, буквально саженой двадцать – и уперся в летнюю поварню. Виднелись тут колодец с бассейном для помывки и кирпичный очаг, все под деревянным навесом.

– Тьфу ты, – тихо выругался он и привстал. – Хитрый Бахус, опоил-таки. Как только в ледник не угодил?

⁶ Вы милый (фр.)

Освещенные окна усадьбы подсказали поэту, что он взял влево от дороги, в горячке перетянув повод вместо того, чтобы дать лошадям спокойно трусить в ведомом им направлении. Еще немного левее забрал бы, так и в самом деле выехал напрямиком к яме для снега.

Забытые было за картами и ужином сомнения в здравом уме Акинфия, что так легко признал наличие марсианцев, вновь пробудились в Тихоне. «Да не обезумел ли приятель мой со своими науками? – подумалось ему. – Не отравился ли свинцовыми парами? Посмотрю-ка заодно, что он тут за телескоп сооружает».

Он тихо сполз с облучка и наказал лошадям не двигаться, а сам достал из ящика под сиденьем сальную свечу и спички. «Пооди не заметят», – решил «следователь» и запалил огонь, и сразу же прикрыл его ладонью от недалекого села.

Тут из дома вышла Фетинья с ведром, и Тихон затаился в тени сарая. По счастью, служанка ничего не заметила и спокойно воротилась от выгребной ямы обратно, с шумом хлопнув дверью. Тихон перевел дух и двинулся вдоль стены сарая. Он искал окно и при этом старался не ступить на что-нибудь опасное вроде крупного сучка, проволоки, грабель и прочих глупостей, шум производящих. Запястья его коснулся толстый крапивный лист, при этом рука Тихона чуть не стиснула огонек свечи – так резко обожгло его растительным ядом.

– Елдак тебе в листья, – прошипел он по адресу крапивы и ужаснулся своим же словам.

Наконец оконце сарая блеснуло в пламени свечи. Поэт почти прижал огонек к стеклу и сам притиснул к нему нос, до рези в глазах таращась во мрак. Под окошком просматривался верстак с наваленным на него столярным инструментом, дальше же ничего видно не было. Если бы можно было забраться внутрь, тогда бы, конечно, картина предстала вполне ясно.

«Что за чушью тут занимаюсь, – в досаде подумал Тихон. – Напился и лучшего друга в помешательстве подозреваю». Он обошел сарай и вернулся к воротам. Уже не скрываясь, поэт осмотрел широкий вход в домишко и тяжелый замок, даже подергал его за дужку – вдруг откроется. Потом он наклонился со свечой и провел ею вдоль земли. Мало ли что тут могли обронить! Гвоздь или ключ, допустим, каковыми можно в замке поковыряться.

От такой крамольной задумки Тихон окончательно протрезвел и сплюнул, угодив напрямиком в колею, будто оставленную каретой. Как он смеет только мечтать о взломе чужого сарая, да еще мастерской своего друга при этом? Тать он ночной, что ли? Тихон утешил себя тем, что ничего красть не собирается, и уже хотел вернуться к дрожкам, как обратил внимание на странность.

На земле прямо под воротами в сарай отчетливо видны были не две, а целых три колеи, на расстоянии примерно аршина одна от другой. Как будто из халупы или наоборот, внутрь нее проследовала трехколесная телега!

Тихон провел понизу свечой, не особенно надеясь проследить, куда ведет загадочный след. Ползти по нему на карачках многие версты? Удивительно, кстати, при этом было то, что следов копыт между следами не виднелось. Далеко следовать за колеями поэту не пришлось – буквально в трех саженях от сарайных ворот те внезапно оборвались. Тихон поморгал, избавляясь от остатков хмеля и будто не веря глазам. Что за чертовщина?

Он еще раз вперил взор в следы и тут заметил еще один трехколесный отпечаток. Он был почти занесен пылью и заканчивался примерно там же, где и первый. Оба следа практически совпадали и вели, очевидно, в сарай или из него. Во всяком случае, искать трехколесную телегу следовало в первую очередь там, а потом уже в небесах...

«Бред какой-то», – осадил себя поэт и задул свечу.

Хмель, пока он ползал по земле и высматривал Бог весть что, выветрился из него бесследно. Тихон в гневе на свою бестолковость вспрыгнул в дрожки и тихо тронул поводья, опасаясь потревожить добрых хозяев имения. Вскоре он уже выбрался за ворота, где и подстегнул лошадей. Полумесяц, да еще чутье животных, помогли ему через час-полтора без происшествий приехать домой.

**Глава 2-я,
в которой Тихон обряжается Анакреонтом
и танцует с Манефой. – А счастье было так
близко. – Марсианцы являют свой страшный
лик. – Пророчество сбывается. – Загадочные буквы.**

Начальник губернской газеты Толбукин заметкою остался вполне доволен и даже выплатил ее автору пятьдесят копеек гонорару. Эти глупые деньги Тихон в тот же день прокутил в кабаке, среди чиновного люда и мещан. Под конец он так разошелся, что огласил при скоплении народа свежее стихотворение весьма фривольного толка, завершилось которое такими решительными строками:

Описанной гиштории прошло уж лет... ну, как бы не семьсот.
Заржавели, увы, булатные мечи, порвались кольчуги,
сталь поблекла харалужья,
Однако ж и сегодня русский хер не взят ещё никем на окорот,
И от веку не меркнет титаническая мощь
победоносного славянского причинного оружия!..⁷

После такого решительного выпада Тихон испугался вызванного им же патриотического буйства и бежал поспешно из Епанчина.

Затем он долго укорял себя за опрометчивость, но утешался тем, что знакомых лиц среди посетителей кабака, кажется, не наблюдалось. «Эка все обрадовались, – сердито думал он по пути домой. – Где нынче высокая поэзия? Только в столицах и осталась, а в наших краях одна похоть потребна. Низкие, низкие людишки, и я сам в первую голову».

Надобно сказать, что Марфе новый стих также весьма понравился, и она весь вечер ходила гордая собой – мнила себя Эратой, вдохновительницей барина. А когда молодой помещик стал припоминать с ее помощью, как гладко станцевать польский полонез, так и вовсе зарделась. Менуэт, понятно, Тихон танцевать не собирался, да его бы и не поняли, вздумай он с Глафирой или особенно Манефою присесть да кланяться среди князей и прочего недосягаемого света.

Муки стыда за кабацкую выходку терзали Тихона недолго, лишь до той минуты, как он озаботился облачением для маскарада. А готовиться к нему следовало загодя, именно с пятничного вечера, дабы в субботу уже ни о чем не тревожиться. Подглядев в сумароковской «Трудолюбивой пчеле» хламиду, он составил ее план на бумаге. С утра при помощи Марфы, простыни и ножниц, а также цыганской иглы с ниткою, он за полдня смастерил древнегреческий наряд. Лавровый лист в изрядных количествах пошел на изготовление поэтического венка. Непрочностью своей он далеко превзошел хламиду, и Тихон, прогуливаясь по дому и привыкая к новому облачению, опасался растерять листья без остатка. Однако обошлось.

Между тем стало ясно, что ехать в дрожках таким афинским философом немислимо. Не только венок растрясешь, а и хламиды самой на промозглом ветру лишишься, в одних трусах к Собранию прибудешь. Да и холодно!

Мольер, пожалуй, вышел бы у Тихона неплохо, но габаритами и формой лица, как выяснилось, российский поэт резко отличался от французского. Хотя давно вышедший из моды

⁷ Здесь и далее стихи Александра Сивинских.

парик типа «пудель» у него имелся, не говоря уж о платьях иноземных из театрального реквизита. Впрочем, что с ними стало после многих лет небрежения, было неясно. Наверняка моль побила нещадно.

Анакреонта же можно было представлять без опаски – как выглядел древний поэт, никто из живущих не ведал. А за хламиду и льняная простыня могла сойти.

Наконец наступило воскресенье. Утром Тихон посетил литургию в маленькой деревенской церквушке, помолился вместе со своими крестьянами и поставил десяток свечей за упокой всех родственных душ. Знакомых живых родичей у него не осталось. Затем, понятно, плотно пообедал, почитал стихи, вздремнул и приступил к должному облачению. Ввиду предстоящей смены наряда особо Тихон решил не усердствовать и ограничился коричневыми вестомом и кюлотами, а обулся в ботфорты, все равно менять их на сандалии. В качестве намека на парик он нацепил новомодное украшение *tourpet grecs*. Помпеи, чисто Помпеи! Жалко, придется снять эту красоту, когда наступит черед венка.

Довершил приготовления к выезду длиннополый суконный рокелор с большим воротником и семью пуговицами из черепахового панциря – к ночи ожидалась немалая прохлада.

Карусельный наряд, венок и летние сандалии поэт бережно поместил в кожаный баул. И вот часов в пять пополудни, напутствуемый Марфой и обиженным Барбосом, молодой помещик отправился за Глафирой.

К дому Акинфия он прибыл уже в ранних сумерках. Взойдя на крыльцо, Тихон оглушительно постучал и тотчас услышал быстрые шаги девушки. Она запыхавшись выскочила на порог, уже одетая в легкое пальто и с шалью на голове, в меру румяная. При виде поэта девушка в удивлении замерла.

– Сударь, что это с вами?

– Вечер добрый, сударыня, – чинно приветил ее граф Балиор и приподнял лавровый венок, надетый им поверх парика. – Увенчан славою народной.

Глафира прыснула в кулачок – и не стерпела, зашлась от смеха. Можно было представить, как нелепо смотрелся поэт в приличном наряде, но с венком вместо шляпы! Тихон присоединился к веселью и предложил девушке руку, чтобы проводить ее к дрожкам. Там он бережно снял лавровые листья с макушки и поместил их на прежнее место.

– А как же ваше платье? Неужто надето?

– Да, – отчего-то смутилась Глафира. – Я нынче запросто.

– *Si les nouvelles de vous à la maison paternelle, la mademoiselle?*⁸ – спросил Тихон. – Тогда надобно поспешать.

– Я уже известила родителей, что вы проводите меня до Собрании. Простите за неумеренную смелость... Но ежели ваши замыслы оттого...

– Буду рад служить, – кивнул поэт и потянул поводья.

Он был доволен, что не обрядился в легкую хламиду, а выбрал утепленный гродетуровый кафтан и шерстяные кюлоты с чулками, но особенно рокелор надел. С наступлением вечера набежали неприятные низкие тучи и подул сырой ветер – того и гляди, начнется нудный осенний дождь. Придорожные кусты тревожно закачались, будто в них прятались жирные по осени медведи.

Это гости побогаче, что в закрытых каретах раскатывают, могут себе позволить не тратиться на переодевание. А тут, как ни старайся соблюсти приличия, места так мало, что Глафира вынуждена держаться одной рукой за борт, а другой вцепиться в локоть провожатого. Тихон даже чувствовал, при особо сильных толчках, ее бедро, словно оно не пряталось под многослойной юбкою.

⁸ Так вести вас в отчий дом, мадемуазель? (фр.)

– Что-то у вас нынче интересное надето, – решился завести он беседу. – Будто и не платье вовсе.

– Крестьянский сарафан. Я сама его сшила и кружевами отделила.

– Смело, – удивился Тихон. – Противу моды идете, Глафира Панкратьевна!

– Какая ж на карусели мода? А как ваша заметка про марсианцев, Тихон Иванович? Понравилась ли?

– Гонорару заимел порядочно.

– Опять в городе колобродили, поди?

– Было дело...

– Ох, накликаете вы беду своими спектаклями, Тихон Иванович. Слухом земля Рифейская полнится, сам Архимандрит уж недовольство выказывал в частной беседе, сказывают. Дескать, приструнить графа Балиора надобно, дабы молодежь своими виршами не смущал и нравы не баламутил.

Тихон помрачнел. Совсем не о такой славе он мечтал, когда ночи напролет выводил стройные рифмы и подсчитывал слоги. Сумароков, Херасков ему грезились, их похвала и уважение, а вовсе не хохот разнузданной толпы, пусть и высокородной, грамотной – а все ж таки по сравнению с титанами духа толпы, не скажешь иначе...

Сам же, впрочем, и виноват, что о Тихоне Балиоре не открыто рассуждают, а по темным углам, стишки пересказывая да списки с ними строча. Пора покончить с этим безобразием и сочинить наконец подлинное стихотворение, пока всенародно не осрамился!

– Никакой к тому моей воли нет, чтобы слухи по горам нашим ползли, – досадливо воскликнул он и подстегнул неповинную лошадь. – И вы, сударыня Глафира Панкратьевна, меня за злодея не держите, от отчаянья и с горячей головы вирши непотребные на бумагу просят. Да и записывать-то их не надо, в память сами собой ложатся, будто чугун в форму. Сам страдаю, уж поверьте бедному поэту, что высокие думы своими словами изложить не могу, а пошлые – за милую душу.

– Кабы вашим фривольным слогом да приличные стихи сотворить, так Сумароков бы от зависти почернел, – несмело улыбнулась Глафира и на очередной выбоине особо крепко ухватила попутчика за локоть.

– Боюсь, великие российские поэты будут меня вскорости презирать, словно пса смердящего, – горько ответил Тихон. – Буде мои вирши до их слух докатятся, чего я искренне боюсь и вовсе не алчу.

Первые капли дождя тем временем устремились к земле и прибили пыльные вихри, что взметались из-под конских копыт. Осталась позади почтовая застава, худые окраинные домишки и деревянные здания побогаче. Улицы были почти пусты – только городовой непогода не могла помешать отправлению службы, прочий люд забился в кабаки или сидел дома, при свечах.

Дворянская же часть населения нынче в большинстве своем, кроме немощных и совсем юных, стекалась к Собранию.

Довольно гладкая, пусть и ухабистая местами проселочная дорога быстро сменилась городской – укрытые гнилыми досками ямы, наезженные до невиданной глубины колеи, вечные грязевые озера, едва просыхающие к июлю... И мусор, непременный вонючий мусор по обочинам. Увы, это был ближайший путь к цели. По счастью, свет тут имелся только под редкими масляными фонарями, оттого и не бросалась всякая мерзость в глаза. Только возле самого Собрания стало почище, к тому же настелили пару лет назад сотню саженей брусчатого камня, и у Тихона с Глафирой едва зубы не вышибло, так дрожки подсакивали.

– Ух, и не чаяла живой добраться, – вздохнула девушка, когда показалось сияющее фонарями Собрание и дорога выправилась.

Когда они прибыли к высокому трехэтажному особняку, больше похожему на дворец средней руки, там всюду суетились конюшие и лакеи, обслуживая прибывающих господ.

– Эй, малый! – крикнул поэт ближайшему лакею в плаще с накинутым на голову капюшоном. Затем он спешился и помог девушке соскочить на мостовую, прикрывая ее от ветра с дождем. – Поспеш! Да не забудь овса им задать казенного.

– Господин Балиор! – с ухмылкой приветствовал Тихона этот долгоносый парень и добавил вполголоса: – Вы нынче с дамою сердца?

– А вот как приложусь по морде, – тихо сообщил поэт и угрожающе наклонился к нахалу. Все они тут, в Собрании, такие разнузданные, будто какими секретами ведают, а этот еще и на что-то намекает. – За «даму сердца» плетей отведаешь, негодяй.

– Нижайше прошу извинить меня, ваше сиятельство...

Лакей струхнул и поспешил смыться в полутьме.

– Что это вы с мальчиком не поделили? – спросила Глафира, когда они в компании двух пожилых пар поднимались по ступеням, при ярком свете нескольких масляных фонарей.

– Пустяки...

Со стороны входа звучала бравурная музыка, доносились волнующие запахи закусок. Нынешняя карусель обещала стать такой же замечательной, как и предыдущая. Недаром князь Антиох Санкович, генерал-поручик в отставке и Предводитель губернского дворянства в одном лице, объявил о своем стремлении стать первым городским головой, дабы принести народу настоящую пользу. Теперь уж он не поскупится, убожит будущих выборщиков как следует.

Скоро, скоро уж съедутся в Епанчин рифейские дворяне, чтобы избрать в должном порядке исправников и депутатов в разные губернские комитеты, заседателей земского и уездного судов, а также и повеселиться знатно, с пиром и танцами. И городского голову впервые назначить, всем миром.

Впрочем, за неделю до выборов намеревался дать бал с голландским фейерверком в своем городском доме и второй претендент, управитель казенных заводов Петр Дидимов, барон и видный меценат. Хоть высокое дворянское звание получил он не так давно, лет пять всего, однако по заслугам перед Отечеством.

В большом зале было уже весьма людно. Ассессоры, подпоручики, экзекуторы и прочие зеленые юнцы, не набравшие достаточно средств на сносный наряд и потому в одних лишь масках на пол-лица, крутились около девиц и зазывали их на танец, но мамыши морщились и высматривали гостей побогаче. Были тут, впрочем, и серьезные люди. Тихону удалось распознать пузатого генерал-прокурора Межевого департамента, который обрядился в непокорного башкира, а усы сбрить не потрудился. Получилось так смешно, что поэт едва не рассмеялся в голос.

Тут им с Глафирой пришлось ненадолго расстаться, чтобы привести себя в согласие с задуманным обликом.

В уборной Тихон наткнулся на троих вельмож, которые с помощью лакеев переодевались в приличествующую одежду. Он раскрыл саквояж и разложил на низком столике Анакреонтову хламиду, сандалии и венки, а также непременно картонную маску с тесемками.

– Un beau camouflage, – одобрил его выбор генерал-губернатор, князь Хунуков. Вокруг него сгрудилось сразу несколько лакеев, помогавших хозяину переодеться. – Vous la avez fabriqué personnellement?⁹

– Э-э... – смутился Тихон, удивленный интересом такого важного человека к своей персоне. – Non, la couturière a tâché¹⁰. Впрочем, до вашего бостанжи мне ох как далеко, эффенди.

⁹ Прекрасная маскировка. Лично смастерили? (фр.)

¹⁰ Нет, швея постаралась (фр.)

Князь хмыкнул, бряцнул щеголевато турецким ятаганом и напялил красно-зеленую маску, став неотличимым от обыкновенного подручного османского паши. После Хунукова приветствовать графа Балиора подошли также попечитель народного училища и контролер Почтовой управы, все с одобрительными речами. Тихон недоумевал.

Интересно, кто из них обронил на кресле душистую записку со словами: «Мужчина, притащи себя ко мне: я до тебя охотна»? «Если бы мне такую Манефушка написала, я бы помер от счастья», – вздохнул поэт.

По счастью, переодевание его скоро подошло к концу, и он смог наконец покинуть душную уборную и присоединиться к гостям. При этом он стал свидетелем, как в Собрание вошла семья Петра Дидимова – жена заводчика, его дочь, сын и племянник.

При виде поэта они как будто споткнулись, а Манефа даже сверкнула глазами, хотя опознать с ходу в Анакреонте Тихона они вряд ли могли. Впрочем, разве по массивной фигуре... Тот уже собрался в одиночестве скрыться в толпе и припасть к столу с яствами, как его вырвала Глафира и повлекла прочь от вельмож.

– Ишь, уставилась, – прошипела она в чей-то адрес.

Один из краев бальной залы украшали с недавних пор две «античные» колонны из каррарского мрамора, заказанного Санковичем год назад в Италии. Установили же их в прошлом месяце, специально для скромников – за колоннами удобно было скрываться, а также подпирать их с небрежным видом ловеласа, выбирающего очередную жертву.

Украшала залу также замечательная ваза из кушкульдинской яшмы. Тихон вспомнил, как лет десять-двенадцать назад Акинфий показал ему невзрачный камешек, найденный в походе, а потом смочил этот обломок водою – и как засверкал он словно алмазный! И кстати, оказался непомерно тверд, стекло царапал.

Не один год, по слухам, мастера вазу яшмовую вытачивали.

С того места, где пристроились поэт с девушкой, оркестра почти не было видно. Взгляд перегораживали спины господ, широкие юбки дам и снующие между гостями лакеи. Ходили слухи, князь Хунуков намерен завести в Епанчине оркестр из одних только охотничьих рогов по примеру обер-егермейстера Нарышкина, но пока этого не случилось и выступали привычные инструменты.

– Вам нравится мой наряд, господин поэт? – спросила Глафира и легким вращением подняла слегка полы сарафана. На лице у нее была розовая маска с серебряными блестками.

– Прелестно. На менуэт и бычок не приглашаю, а вот о первом полонезе не забудьте.

– Бычка я и сама не умею станцевать, а крестьянкою вырядилась, – самокритично заметила девушка. – Пойду матушке покажусь. – И она отправилась приветить родителей, которых заметила среди гостей.

Тихон воспользовался моментом и отнял у проходившего лакея чашку левантского кофею с вишневым пирожком, по кусочку буженины и лимбургского сыру прихватил. И еще собирался, да лакей улизнул. По полу порядочно задувало из открытых дверей в сад, так что граф Балиор скоро почувствовал потребность согреться и одну за другой осушил две рюмки шалфейной водки, что рядками выстроились на пристенных столиках и властно манили господ.

Оделся бы Мольером, так не пришлось бы в сандалиях на босу ногу щеголять!

Поэт принялся высматривать среди входящих в залу гостей кого-нибудь из знакомых и приятелей, но все, как назло, обрядились в невероятные одежды и спрятали лица за масками. Фигуры их также, понятно, искажали всевозможные балахоны, рейтузы, длиннополые плащи, шотландские юбки и прочие кунштюки. Одна девица моментально привлекла внимание графа Балиора, и судя по плотной толпе молодых людей, некоторые и вовсе без всякого машкерада, это была Манефа Дидимова. Обрядилась она примерно как Тихон, и у того перехватило дыхание – никого больше в хламидах и тогах не виднелось!

– Цирцея, – пробормотал поэт, – истинно Цирцея.

Манефа тем временем осмотрелась и что-то приказала пажу, повсюду бегающему за ней. Тот вытянул руки и раскрыл перед носом госпожи серебряную табакерку. Даже от Тихона виден был блеск каменьев, украшающих безделушку.

Поэт решил, что ему тоже сейчас не помешала бы щепотка доброго табаку, чтобы утишить сердцебиение. Но Анакреонт и вест-индская трава эстетически никак не совмещались, потому он и оставил кисет в кармане обычной одежды.

Музыканты принялись играть подготовительные такты, и Тихон переключил внимание с королевы бала на поиски «крестьянки» Глафиры. Собрание быстро организовывалось. Зрелые матроны легко отдавали девиц в руки молодых людей, те также не зевали и старались ухватить объект поярче – природная краса пряталась от них за масками, и других ориентиров не оставалось. Люди посolidнее предпочитали пока переждать, дать оркестру разойтись и заодно согреть собственные кости теплым вином из Токая или кофеем. А самые старшие представители дворянства и вовсе двинулись наверх, в ломберные комнаты.

Тут наконец самые знатные господа и дамы, возглавляемые губернатором с супругою, составили десяток пар и принялись манерно кланяться и воздевать руки в менуэте. Тихон применил это время весьма творчески – вкусил пирожок с курицей и опорожнил еще один сосудец с можжевелевой водкой.

– Вы никак потерялись, поэт? – услышал Тихон вкрадчивый вопрос и чуть не поскользнулся от неожиданности на вошеном полу.

Пока он любовался менуэтом и высматривал барышню Маргарину, вся Манефина процессия очутилась подле него! Кадеты, пажи, наследники несметных состояний и прочие, прочие в обликах пирата, индейца, египтянина, купца и даже кизляр-аги взирали на него с откровенной неприязнью, едва прикрытой масками.

– Я Цирцея, а вы? Может быть, Алкей? Или сам бесподобный Вергилий?

Тога на Манефе была пошита из роскошного глазета. Пусть и несуразно, зато очень красиво.

– М-м... Федр.

«Анакреонт» застрял у Тихона в глотке. Уж если девица Дидимова представляет римлян, и ему нестерпимо захотелось стать одной с нею нации. Недаром же она намеком предоставила ему выбор, назвав греческого и римского поэтов.

– Восхитительно! Так мы с вами соплеменники.

Она в некотором нетерпении покрутила головой, словно отгоняя от себя прихвостней, и вновь воззрилась на Тихона. Новые танцоры тем временем уже почти все заняли места посреди залы и приготовились начать полонез. Музыканты ждали только Манефу Дидимову с ее избранником.

– Олух какой-то, – презрительно молвил кизляр-ага. – Госпожа, позвольте мне составить вам пару.

– Мне казалось, вы танцуете, господин поэт, – не обратив на «турка» внимания, с нотками недовольства проговорила Манефа.

– Да, сударыня, – охрипшим внезапно голосом ответил Тихон и шагнул к ней, отклеившись наконец от колонны, чтобы подставить даме локоть.

На втором же шаге он замер в столбняке, потому как заметил наконец Глафиру, которая торопилась к нему со стороны второй колонны. И что она там делала? Похоже, девушка также увидела, что творится около ее кавалера и как он уже готов увлечь Манефу в центр залы, потому что резко остановилась и уперла руки в бока. Глаза ее в прорези маски сверкнули никак не хуже брильянтов на Манефиной табакерке.

– Ну же, Федр, идемте! *Tout seulement de nous attendent*¹¹.

¹¹ Все только нас и ждут (фр.)

Как в тумане, Тихон прикоснулся к Цирцею и сквозь головокружение от ее духов и теплой близости ее руки, чуть не падая на ослабевших ногах, повлек партнершу к другим парам.

Хвала учителям кадетского корпуса, что вдолбили в Тихона манеры по самой макушку! Ведомый единственно музыкой и чувством такта, почти ничего не видя в окружающих цветных разводах, в которые превратились наряды гостей, молодой поэт упоенно вел даму согласно всем правилам полонеза. Даже ни разу не наступил ей на ногу и не толкнул соседнюю пару, что было удивительно.

– Вы почитаете мне свои новые стихи, Федр? – с усмешкой шепнула ему девушка, приблизив к уху розовые губки. – Только не те, что в столичных журналах печатают, а запретные.

– Неужто басни? – выдавил Тихон при ответном движении.

– Кому басни, а кому и правду, – плотоядно облизнула губы Манефа. – Покажете мне, каково быть вашей Иппокреною?

– Сегодня? – не чуя себя от восторга, спросил Тихон. Сердце его заполошно стучало. – Но как же? Гости, отец ваш, лакеи повсюду... *L'enchanteresse!*¹² Как я посмею коснуться вас, Цирцея?

– Подымайтесь через два часа на третий этаж, когда все упьются и сомлеют. Там и поглядим, на что вы осмелитесь.

Время танца промелькнуло будто мушкетная пуля. Манефа, розовая и слегка растрепанная, манерно поклонилась Тихону и благосклонно приняла ответный поклон, а затем позволила отвести себя к мрачным ухажерам. Там Тихона оттерли от объекта страсти и принудили искать утешение в бокале фронтиньяка.

Так поэт сумел очухаться и здраво рассудить, что нынешняя карусель – что-то необыкновенное, и прежние в подметки ей не годятся. Молодая кровь горячо стучала у него в висках и вообще клокотала в сосудах, требуя немедленных поступков или хотя бы повторного танца.

Однако музыканты дали гостям передохнуть и наигрывали что-то незнакомое, да еще на модных рожках, под которые танцевать было непривычно.

– Так-то вы держите свои обещания, сударь? – услышал он холодный вопрос.

Прямо перед ним стояла Глафира и обмахивалась китайским веером.

– М-м-м... Я честно старался отыскать вас, Глафира Панкратьевна. Поверьте, отказаться было никак невозможно, репутация госпожи Дидимовой могла бы пострадать. Это было бы непорядочно, отказать ей в танце.

Девушка решительно развернулась, чтобы уйти.

– Позвольте пригласить вас на второй танец! – запоздало воскликнул Тихон.

– Нет, я уже приглашена. Но о третьем подумаю...

Пока Тихон разгонял туман в голове, что выражалось в активном распитии вина, карусель вошла в полную силу. Контрданс он не танцевал, а потому благополучно пропустил его, хотя и подвергся активному натиску нескольких девушек, которые в сопровождении мамаш медленно проплыли мимо него.

Тут седовласый Робин Гуд с луком за спиной остановился рядом с поэтом и обратился к нему со словами:

– Прочитал вашу заметку, сударь, с превеликим интересом.

– Господин Берцов? – Тихон узнал писклявый голос Председателя губернской Комиссии о строении дорог. – Вольно же вам увлекаться подобными пустяками!

– Не скажите, – покачал тот головой. – В нашем государственном деле всякие сведения полезны, особенно такого необычного свойства. Кое-кто в купеческом сословии уже подумывает придержать денежки, а не ассигновать их на постройку дорог. Нехорошо получается.

– Я не верю в марсианцев, – убежденно заявил поэт.

¹² Чаровница! (фр.)

– Et est bon!¹³ Кому они надобны, эти мифические летуны с огоньками? Как бы Государыня внимания на вашу писанину не обратила, вот что меня тревожит. Князь Хунуков уже лично ознакомился и мне свое мнение высказал... Каково тратить его драгоценное время на вымыслы? От лукавого все.

Тихон отставил бокал и постарался привести в порядок мысли, прыгавшие с Манефы на Глафиру, а теперь еще и на проклятых марсианцев. Пришлось для верности потерять виски. Дурацкие лавровые листья ерзали на черепе, отчего нестерпимо хотелось сорвать их и от души почесаться! Даже в парике так худо не бывало.

– Что-то я не соображу, господин Берцов, к чему вы ведете. Вам бы лучше к Матвею Степановичу Толбукину обратиться, это он мне расследовать дело поручил и наказал, каков должен быть матерьял. С него и спрос.

– Господин Толбукин, как бы понятнее высказать, о благе газеты печется и читателей, для него лишь бы страсти возбудить, да общественное мнение взбаламутить. Ишь, марсианцев изобрел!

– А мне казалось, этот достойный человек мыслит государственно, оттого и должность занимает по праву... К тому же люди будто бы видели воздухолет.

Председатель с кем-то раскланялся, отмахнулся от чьего-то призыва и возобновил туманную беседу с поэтом:

– По праву только Государыня на месте, – заговорщицки хмыкнул он. – Прочие же воле ее подвластны и во всякий момент с кресла слететь могут. А что видели, так у нас людишки и чертей видят, как напьются до полусмерти.

Недоброй памяти Антипка Рогачев тотчас всплыл у Тихона в памяти. Чудом этот Антихрист не пожег Епанчин и окрестные имения, мимо со своим «войском» протопал. Отец рассказывал, что крестьян в тот год от него убежало душ двадцать, все как один ленивые пьяницы. Впрочем, сомнительно, чтобы Берцов старался вызвать у собеседника именно такие соображения.

– Ладно, вот вам мнение губернатора Хунукова, сударь, – без обиняков заговорил Председатель.

Как видно, он отчаялся пробиться сквозь тугодумие Тихона. Откуда было ему знать, что мысли и чувства поэта сейчас прямо-таки кипят после мимолетной беседы с Манефой, а все прочее в этой зале кажется ему жужжанием надоедливой мухи?

– Вы в своей заметке положительные аргументы привели, от Невтона и прочих светил иноземной науки. Однобоко просветили, скажу я вам. Так вот надобно и противоположное мнение захватить, от российской науки и духовенства, так сказать. Не все же на Невтонах зиждется, и наши доморощенные ученые и святые отцы прозревать суть явлений могут.

– Так мне надо марсианцев дезавуировать, – догадался Тихон. – Я ведь и Ломоносова цитировал, а не только Невтона. А как же господин Толбукин? Что на мою отсебятину скажет?

– С ним поговорят на эту тему, – заверил Берцов. – Вам же денежки не помешают, сударь? И стихотворение в довесок напечатаете... Приличное, – добавил он многозначительно.

– Я решил оставить стихоплетство и посвятить себя целиком благоустройству имения. От того же лукавого эти стишата.

– Истинно так! Что же, ожидайте с легкой почтой потребные для составления заметки мысли наших сограждан.

Председатель дорожной комиссии наконец уgomонился и раскланялся с Тихоном, очевидно довольный своей дипломатией. Особо ему нравился, видимо, намек на определенное мнение святых отцов о срамных стихах Балиора. Вот они с какого бока ухватить решили! Мол,

¹³ Вот и славно! (фр.)

мы все знаем о твоих пиитических безобразиях, так изволь плясать под нашу сопелку и слушать указания.

Такие приземленные думы чуть не выветрили из графа Балиора предвкушение скорой тайной встречи с Манефой. Почуввав опасность этого, Тихон принудил себя забыть о марсианцах и двинулся по зале, чтобы приветствовать наконец знакомых, буде такие опознаются среди переодетых карусельщиков.

Как нарочно, каждый второй приятель расспрашивал его о пресловутой заметке, а каждый четвертый шепотом, отделившись от ближайшей дамы, просил стихи, чтобы переписать их к себе в альбом. Все при этом требовали выпить с ними. Это становилось невыносимым, так что Тихон быстро прекратил вояж.

– Господин Балиор! – обрадовался его возникновению Глафирин отец.

– У вас веноч на затылок съехал, – поджав губы, сообщила его супруга.

Оба прятались за обликом бюргерского семейства, так что стоящая рядом русская «крестьянка» Глафира смотрелась забавно. Особенно после того, как повязала на шее белую ленту *quadrille de la reine*, по примеру французской королевы Марии Лещинской.

– Прошу вашего позволения ангажировать Глафиру Панкратьевну на полонез, – сразу же после взаимных поклонов выступил Тихон.

Девушка подозрительно замерла, но затем все же отдала веер матери и согласилась составить поэту пару. Явление Тихона и его воспитанные речи лишь ненамного смягчили ее сердитый подбородок – хорошо еще, что маска скрывала явные признаки ее недовольства.

– Погодите, прилеплю только мушку, – всполошилась госпожа Маргарина и с ворчанием извлекла коробочку из поясного кармашка. Из нее она уже выцарапала мушку средней величины и приладила ее на лицо нетерпеливо притопывающей дочери, рядом с уголком губ. – Ну, с Богом.

Танцую с Глафирой, поэт все высматривал в толпе Манефу. Первая красавица, понятно, без ухажеров не была ни минуты, и сейчас ее кружил какой-то хлыщ в казачьей форме, с саблей на боку. Тихон постарался поймать взгляд Манефы, но ему это не удалось – девица о чем-то любезничала с кавалером. От такого предательства в груди поэта полыхнул нешуточный пожар ревности и негодования, однако он принудил себя успокоиться. «А что, ежели она не только меня наверх позвала? – резанула его чудовищная мысль. – Или того хуже, забыла обо мне?»

– Что-то вы невпопад танцуете, сударь, – сказала Глафира. – Вам нехорошо?

– Боюсь, застежки отскочат, – признался поэт. – Тога распахнется и на пол падет, останусь в одних полотняных шароварах, рубашке и венке.

Ставши римлянином, надобно было называть хламиду тогою, пусть и нет между ними существенной разницы. Твердые Глафирины губки наконец-то сложились в улыбку, и девушка против роли рассмеялась.

– Так вам требуется помощь! Жалко, что мне непозволительно трогать ваши застежки.

– Придется позвать лакея.

Карусель вступила в полную силу: музыканты согрелись шампанским, гости свыклись со своим нелепым видом, лакеи взопрели за перетаскиванием закусок и напитков. Домино, венецианы и капучины гостей так и мелькали.

Сразу после третьего полонеза Тихон в компании с Глафирой – назвал Манефе, пусть видит и помнит о своем приглашении! – снова отправился «в обход» здания, повсюду натываясь на знакомых и беседуя о литературе, марсианцах, выборах городского головы, скором праздновании именин супруги генерал-губернатора и всем остальном, что занимало умы просвещенных дворян губернии.

– Что есть поэзия? – глубокомысленно выступил Тихон под жадными взорами приятелей, возвышенную беседу поддержал. – Известно, поэзия есть искусство о какой бы то ни было материи трактовать мерным слогом, с правдоподобным вымыслом для увеселения и пользы

слушателей. Вымысел – необходимое условие для поэта, иначе он будет не поэт, а версификатор.

– Vous avez inventé cela?¹⁴

– Нет, Феофилакт Кветницкий, но я с ним согласен.

– Да уж, увеселения в ваших виршах с избытком!

– Главное все же фантазия, друже.

С собой он теперь таскал один и тот же бокал с понтаком и время от времени смачивал в нем губы. От полноценного питья Тихон с сожалением отказался, чтобы быть во всеоружии на третьем этаже... Безуспешно смущали его и яства – трюфеля, фрукты, конфеты и прочие.

«Батюшка, с моей-то потанцуй», – то и дело слышал он призывы матрон, однако стойко отнекивался.

Крышка часов со щелчком отошла в сторону, и обе стрелки резанули поэта по душе. Он запнулся на полуслове, извинился перед Глафирой и компанией, к которой они прибились, и зашагал в сторону лестницы.

– Тихон Иванович! – окликнула его девушка. – Вы куда-то торопитесь? Застежки?

– Я вскорости буду, – отозвался он и вымучил ободряющую улыбку.

Возле уборной в нетерпении прохаживалось трое господ, так что поэт с полным правом мог подняться на следующий этаж, не вызвав подозрений. Но и выше наблюдалась бурная жизнь. Матроны и старики, не говоря уж о юных парочках, заняли тут многие диваны, скорее всего во всех комнатах. Кто-то катал шары на бильярдном столе, очень многие играли в карты... «Где я там буду ее искать?» – озадачился Тихон.

Он еще раз сверился с часами: было уже почти девять. Сверху до него донесся взрыв смеха, и полный нехороших предчувствий, поэт двинулся на третий и последний этаж Собрания.

Библиотечная зала была не пуста! Довольно обширная компания разнообразно наряженных личностей, некоторые без париков и даже надоевших масок, восседала окрест горящего камина. С замирающим сердцем Тихон узнал Манефу. Она чему-то громко смеялась и отпихивала руку наглого юнца.

– А вот и наш вития пожаловал! – вскричал кто-то, и общее внимание моментально переключилось на новое лицо.

– Федр стихи российские почитать пришел!

– Ainsi qu'est!¹⁵ – Звонкий голос Манефы разом осадил всех готовых выступить завистников. – Господин Балиор... то есть знатный поэт... пришел по моей просьбе, чтобы познакомиться со своими новыми стихотворениями, кои любого нашего Сумарокова и прочих затмят силою чувства.

«Вот меня зачем призвали», – подумалось Тихону. При этом он испытал невероятное облегчение, словно готовилось ему самое тяжкое в мире испытание, и лишь в последний миг Всевышний отменил его. И разочарование тоже почувствовал.

Уже почти успокоившись, он направился к Манефе, чтобы сесть в кресло подле нее. Поэтический задор постепенно овладевал им – то ли крепкие напитки были тому причиной, то ли присутствие первой красавицы губернии. Но тут он увидел напротив своей «дамы сердца», рядом с книжным шкапом супружескую чету Берцовых, и словно обух обрушился ему на макушку – он споткнулся на ровном паркете и наверняка выпучил глаза. Хорошо хоть маска скрыла его гримасу недоумения.

– Не думаю, что это прилично для юной девушки, – аккуратно подгадал момент выступления Председатель дорожной комиссии, – выслушивать неподобающие слуху вирши.

¹⁴ Это вы сам придумали? (фр.)

¹⁵ Так и есть! (фр.)

Его супруга, круто набеленная дама в красном платье на гротескно большом панье, чинно кивнула. Рука ее при этом нервно трепыхала веером, в котором поблескивал шипковый «глаз» из киевской мусии.

– Вы мне запретите? – насмешливо осведомилась Манефа. Она сняла маску и небрежно швырнула ее кому-то из пажей. – Вас папенька уполномочил за мною следить?

Видно стало, как Берцов покраснел, и воздух с особенным шумом стал вырываться из его ноздрей, будто у быка по весне. Только стука копыт-каблуков по паркету не хватило. Однако он промолчал, и Тихон задал себе мысленный вопрос: «Неужто следит, чиновная харя? Что ж, послушай и ты».

– Что ж, мы не будем смущать ваши чуткие уши, господа! – объявила Манефа и поднялась.

– Ну и славно, девочка, – обрадовалась госпожа Берцова. – Вот лучше котильон потанцуйте!

Предложение было дельным, но Манефа лишь хмыкнула.

– Мы удалимся от вас на балкон. Что-то здесь становится душно... А вы можете и потанцевать, коли желаете.

Она презрительно повела плечом и развернулась к портьеру, за которой была стеклянная дверь. Вся до одного ухажеры с веселым гиканьем вскочили и ринулись распахнуть дорогу перед своей госпожой, но она остановила свиту резким окриком:

– Сидеть!

Все так и застыли.

– Но как же... Разве так годится?... А мы как? – вразнобой забухтела молодежь. – Мы тоже хотим послушать...

– А кто Тихона Балиора хулил? – вскричала Манефа. – Кто мне говорил, что он бездарный стихотворец и острог по нему плачет? Вы все!

– Истинно плачет, – горячо подтвердил Берцов и также поднялся.

Видно, успел забыть о своем же уговоре и вознамерился уберечь девушку от уединения с сомнительной личностью. Не иначе строгую памятку от Петра Дидимова получил, Робин Гуд фальшивый.

– Ничего, подождете тут и не сомлеете, – отрезала Манефа.

Она разгорячилась и всем видом ясно показывала, что отступать от задумки не намерена. Причем поза ее была столь решительна, а голос тверд, что спорить с барышней Дидимовой никто не посмел, даже Берцов. Он беспомощно плюхнулся на диван и до хруста стиснул руку жены. Тихон прошел мимо него и подал мимолетный ободряющий знак – мол, все помню и рамки приличий не нарушу, чем вряд ли особо утешил растерянного Председателя дорожной комиссии.

– А вы, любезные, не дайте господину Берцову за папенькой сбегать, не то всех отставлю.

Медный ключ со щелчком провернулся в дверном замке, и вот уже Тихон с Манефой оказались отделены от всех толстым матовым стеклом. Девушка с особым злорадством воткнула ключ в прорезь и сделала обратный оборот – теперь сюда могли ворваться только высадив дверь.

Тихон судорожно вдохнул свежий воздух, пропитанный запахом палой листвы и Манефиных румян – девушка стояла в шаге от него с упертыми в бока руками.

– Никак боишься? – спросила она шепотом.

– Ведь твой отец меня и убить может, кто ему помеха?

Балкон был шириной в три сажени и длиной в шесть, с толстыми каменными перилами, и нависал над самым крыльцом здания, опираясь на колонны. Снизу слышались голоса гостей, вздумавших отправиться восвояси, разговоры конюших и лакеев, храп лошадей и стук колес. Вокруг шумели на ветру полуголые деревья, и балкон был густо усыпан их палыми листьями.

Только Луна, которую порой заслоняли тучи, да призрачный свет из библиотеки озаряли поэтическую сцену.

– Да хотя бы я. Он у меня по линейке ходит, если ты не знал, – хищно усмехнулась Манефа, затем потянула вверх маску Тихона и отбросила ее. – Ну, читай свои вирши.

– М-м-м... «Сеновал» называется. Ну... Позвала меня девица в сене жо... э... Ой. Покрутиться. Там же неприличные слова через одно. Может, не надо?

– Надо, Тиша, надо.

– Ладно, тогда я лучше другое почитаю.

И поэт приступил к сбивчивой декламации своего последнего эротического творения. Поначалу он еще отводил взгляд и проговаривал слова без всякого чувства, но постепенно забыл обо всем и преисполнился тайного, стыдного восторга, и при каждом толчке Манефиных ладоней – а она направляла его к перилам – словно адское пламя вспыхивало в низу живота. Источником его были девичьи затуманенные глаза.

Деревня. Вечер. Час закатный.
Младой жуир, как тополь статный,
Плечистый, внешностью приятный,
Зрачком блудливый, речью – ладный
идёт вприсядку.
На девок глянет – те краснеют,
На баб – те пламенно влажнеют
Кудрявой скрытницей своею,
Где наш лихач карт-бланш имеет
окутить грядку...

Когда Тихон уже не мог отступать, руки Манефы скользнули ему под тогу и еще дальше, миновали верх кюлотов и словно жаркие змеи устремились вниз по его бедрам. Девушка покошачьи прижалась к поэту и вдруг стала опускаться на колени.

В этот момент застежка тоги на плече отскочила и со звоном упала на камень.

– Постой, – булькнул Тихон. – Что ты творишь?

– Чем тут не сеновал? – отозвалась Манефа куда-то ему в пупок, добавив к дыханию язык.

– Подожди. – В мочевом пузыре поэта с внезапной мощью разлилась боль, прямо-таки резь. – Я сейчас не могу, мне в уборную надо.

– Давай с балкона, – приказала девушка и отодвинулась, поднявшись. – Минутное дело...

И сразу продолжим. Ты мне еще что-нибудь такое же гадкое считаешь. – Она облизала губы и повела телом, словно кобра перед броском.

С порывом прохладного ветра в голову Тихона робко вернулся разум.

– Но как же?... Ведь там люди. Я не могу полить им головы, и вообще... Нет, мне неудобно. Нехорошо как-то, Манефа, неподходящее тут место. Пыльно и холодно.

– А где подходящее, в супружеской постели? – криво усмехнулась она и отвернулась. – Боишься, что ли?

– Н-ну... Не то чтобы... А если услышат, войдут? Давай внутри где-нибудь, – уже чувствуя, как Манефа отдаляется от него, в панике прошептал поэт и шагнул к ней, чтобы обнять. Но девушка выставила руку и не позволила коснуться себя.

– Ступай, – равнодушно сказала она, – сама справлюсь...

– Мне вернуться?

– Ступай, говорю. Можешь идти в свою уборную и не возвращаться. Пугливых не люблю.

Почти ничего не видя, Тихон пошарил в листьях, пытаясь найти застежку, но та как сквозь камень провалилась. Зато под руку подвернулась маска. Терпеть больше было невыно-

симо, и он дрожащей рукой повернул ключ и с трепетом шагнул в душную библиотеку, раздвинув телом портьеру.

– Наконец-то! – вскричал красный словно вареный рак Берцов и ринулся на балкон, однако дверь перед его носом с треском затворилась. – Сударыня! Госпожа Манефа! Пустите же меня или выходите оттуда! Что с вами?

– Я занята, – слышался злой голос.

– Что вы с ней сделали, сударь? – визгливо крикнула госпожа Берцова.

Буквально все в библиотеке глядели на Тихона кто с ненавистью, кто с завистью – равнодушным не остался никто.

– Ничего, уверяю вас. – Он пожал плечами и придержал сползающую тогу. Проклятая заставка! – Всего лишь прочитал маленькое невинное стихотворение. С Манефой все хорошо, но нее внезапно закружилась голова от свежего воздуха, и она решила еще немного отдышаться... Позвольте откланяться.

Сомнительно, чтобы кто-нибудь поверил ему, однако сбить волну страстей поэту удалось. Он беспрепятственно прошел по коридору, стараясь держаться прямо и естественно, хотя его так и подмывало побежать.

В уборной он долго унимал дрожь рук под струей воды – рукомойник так и звенел под его неловкими тычками. Бессильное бешенство на самого себя переполняло Тихона, и в то же время некое холодное спокойствие – выстоял, справился со звериной натурой. Что могло бы стрястись, послушай он Манефу и тем более поддайся ее страсти, невозможно было представить. Как она сама глядела бы на него, если бы Тихон дал ей воплотить в жизни стихотворные приключения двух влюбленных?

«Захочет ли она еще со мною говорить?» – печально свербела мысль. – Ну какой же я несусветный дурак, дурак!» И он чуть не принялся биться головою об зеркало, что показывало ему ненавистно-тупую физиономию жалкого неудачника, который прошляпил свой единственный шанс завладеть красивейшей девушкой всех Рифейских пределов и ее несметным приданым. «Эка размечтался! Поиграла бы да бросила», – осадил себя Тихон и скрипнул зубами.

Он почувствовал, что еще немного – и свихнется, а потому набрал полную пригоршню воды, растерял половину, а остаток плеснул в горящую физиономию. Потом ударил-таки кулаком по макушке, вытер лицо подолом тоги и заставил себя выйти из уборной.

И тут же услышал полный ужаса женский вопль!

Судя по тембру голоса, верещала госпожа Берцова. Сразу же к ней присоединился нестройный гул одинаково испуганных голосов, а вслед за тем слышались и визгливые выкрики самого Председателя дорожной комиссии, который повторял имя Манефы.

Тихон бросился в библиотеку и застал удивительную картину – индеец, пират, египтянин и прочие юные шуты, давясь и толкаясь, пытались выскочить на балкон. Тихон схватил за плечо крайнего, кизляр-агу, и властно развернул к себе перекошенным лицом.

– Куда? Зачем? Что случилось?

– А? Чудо! – Фальшивый турок с нарисованными усиками вырвался и скакнул наружу.

– Манефа упала? – обожгло поэта.

Он встал в дверях и попытался понять, что тут происходит. К его истовому облегчению, вниз никто не тарачился – напротив, все указывали пальцами в небеса и выкрикивали одно и то же слово. И первым произнес его Берцов – «марсианцы!» Тихона пробил нервный смех, и он взглянул туда же, куда и все.

На фоне блеклой Луны, полуприкрытой быстрыми клочьями ночных облаков, удалялось что-то огромное, с вертушкой на голове!

– Стреляйте же! – взвизгнула госпожа Берцова. – Унесут же черти, унесут! Почему никто не стреляет?

Скоро снизу раздался сухой хлопок фузеи, вслед за которым среди лошадей и гостей началась подлинная паника. Судя по всему, большинство решило, будто на город напали башкиры или беглые крестьяне, и глупые выкрики вроде «марсианцы!» только укрепили их в этом мнении. Воздухолета к тому моменту уж и видно не было, все скрыла ночь. И никаких огоньков по его краям уже не светилось, как успел сообразить Тихон.

Дворянское Собрание наполнилось визгом и топотом. Лакеи, гости, повара и жандармы метались в поисках башкир или спасались от них за пределами здания. Кареты, дрожки, одноколки со стремительным перестуком копыт и колес, щелчками хлыстов растворялись на окрестных темных улицах.

Ухажеры Манефы также поспешили на лестницу, торопясь улизнуть с места происшествия. Многим повезло, вот только семейство Берцовых, Тихон и несчастный турок угодили под перекрестье взглядов сразу нескольких людей, поднявшихся в библиотеку. Возглавлял их сам заводчик Петр Дидимов.

– Я слышал, как тут кричали имя Манефы, – холодно сказал барон. – Где она? Нам пора уезжать, все равно карусель нарушили. То ли башкиры, то ли марсианцы... Где Манефа?

Все подавленно промолчали, отчего госпожа Дидимова, миниатюрная женщина в костюме голландской купчихи, охнула и закатила глаза – пришлось рядом стоящему лакею спешно подхватить ее и уложить на диван.

– Мамочка! – заскулил ее десятилетний сын.

– И тут вы, Балиор! – Усы Дидимова встопорчились, когда он распознал среди застывших перед ним гостей Тихона. – Что вы сделали с Манефой, куда спрятали? Где моя дочь?! – Последний вопрос прозвучал подобно раскату грома, отчего у всех присутствующих волосы поднялись дыбом.

Все в губернии знали, как заводчик боготворит Манефу, во всем потакает и прощает любые шалости, отчего всякий, кто хотя бы намеком обидит ее, подвергается ужасной опасности сгинуть в остроге или вовсе пропасть бесследно. Бывали, говорят, и такие случаи.

– Позвать сюда жандармов! – взревел Дидимов. Лакей с грохотом ссыпался по лестнице.

– Марсианцы, Петр Сергеич... – проямлил Берцов.

– Что? Повтори! Кто тут марсианец? Балиор, что ли?

Несчастный Председатель дорог заплетающимся от ужаса языком поведал, как услышал вместе с прочими крик с балкона, где заперлась Манефа. Как он принялся биться в дверь плечом и наконец с помощью египтянина вышиб ее, едва не вместе со стеклом, и как успел увидеть во всей ужасной мощи воздухолет марсианцев с бледными огоньками по низу, что уносил прочь несчастную девушку.

– Это все он, он в своих писаниях накаркал! – взвизгнул под конец Берцов, уткнув палец в Тихона.

– Как она очутилась одна на балконе? – с холодной яростью осведомился Дидимов. Слушал он внимательно, даже напряженно, и весть о марсианцах явно потрясла его вне всякой меры. – Как, спрашиваю вас, мог воздухолет незамеченным подлететь и пленить Манефу? Если бы какие разбойники с дерева прыгнули, тати или башкиры! Но с воздуха! Вы сошли с ума, все сразу.

У многих отлегло от сердца – как ни странно, заводчик не набросился с тростью на всех и каждого, а взял себя в руки и стал уточнять детали.

Тут и жандарм с фузеей прибежал, который подтвердил – да, после криков с балкона и он заметил удаляющуюся по небу черную тень с огромным винтом, и даже выстрелил в нее. Попал ли, нет, то неведомо, разве марсианцам что от простой пули делается? Вот кабы из пушки шмальнуть, то при удаче ядро могло бы и пробить обшивку воздухолета, коли она деревянная...

Подошел и комендант жандармской Управы полковник Буженинов, которого успели удержать перед самым отъездом – он почти умчался самолично преследовать убегающих в переулки башкир. Весть о марсианцах этот доблестный служака выслушал с откровенным недоверием.

– Вы сумасшедшие, – повторил Дидимов с круглыми глазами. – А ты, Берцов, я ведь просил тебя надолго ее одну не бросать! Ты же мне говорил, что Балиор полную чепуху написал и скоро будет опровержение. А оно вот как оказалось!

– Госпоже Манефе стало душно, – пролепетал почти черный Председатель дорожной комиссии. – Она вышла на балкон и закрылась, чтобы никто не помешал ей любоваться Луною.

– Одна?

– Со мной, – сказал Тихон.

Дидимов словно бешеный пес метнулся к поэту и уже занес руку, чтобы ударить его, но в последний миг сдержался. Тихон, впрочем, приготовился отразить наскок – он был на голову выше заводчика, хотя и не толще. Никакой вины за собой он не ощущал и не съезился, и Петр Дидимов, очевидно, почувствовал его горькое спокойствие.

– Она всем грозилась, что собирается потребовать от тебя чтения стишат. – Дидимов провел по глазам ладонью. – Так и было?

– Да, я прочитал короткие вирши и сразу удалился с балкона.

– Он застежку там обронил! – злорадно выкрикнул Берцов. – С хламиды своей!

Заводчик медленно поднял прищуренные глаза на Тихона, и тот поразился, какая страшная и тяжелая усмешка полыхнула в них.

– Да, я всего лишь обронил застежку от тоги, – спокойно кивнул Тихон, хотя его так и подмывало отступить и пригнуться. – Не сумел в листьях отыскать.

– Сейчас найдешь, – по слогам проговорил Дидимов. – Что она сказала перед тем, как ты ушел?

– Что желает побыть одна.

– Дамы и господа! – объявил полковник Буженинов, прервав «допрос». – Прошу выслушать меня. Налицо небывало дерзкое похищение дочери уважаемого подданного, кем бы оно ни было совершено. – Комендант приблизился к двери, ведущей на балкон, и подал знак капралу подойти. – Приготовьте побольше свечей для осмотра места преступления! Довольно разговоров. Пока мы с вами толчем воду в ступе, тати уносят девушку все дальше, а потому предлагаю всем немедля отправиться по домам и не мешать расследованию. Другое дело, останутся только господа Берцов и Балиор, как возможные свидетели умыкания.

– Я тоже, – заявил Дидимов. – Это все-таки моя дочь пропала, сударь.

– Нельзя, Петр Сергеич, – мягко возразил полковник. – Тут надо все тщательно осмотреть и выявить преступные следы. Позаботьтесь лучше о супруге и сыне! Им положительно нужно утешение и ваша поддержка. А способствовать возвращению дочери вы покамест никак не можете.

Дидимов нехотя кивнул и отошел к семье, где с раздраженным видом принялся утешать супругу. Держался он весьма сдержанно, будто не пережил только что самое трагическое происшествие, какое только может выпасть на долю отца. Тихону, да и все прочим, оставалось лишь подивиться его выдержке. Наперебой выражая сочувствие, гости и лакей сопроводили семейство заводчика вниз, а полковник Буженинов присел на корточки на пороге балкона и с помощью трех больших свечей, две из которых держали над его плечами поэт с Председателем дорожной комиссии, стал внимательно осматривать место преступления.

– Листва сдута на перил и с середины балкона! – сразу же заметил отличие Тихон.

– Крыльями, что ли?

– Воздухолет крутил лопастями над макушкой, – догадался Берцов.

Действительно, на открытых частях балкона палой листвы осталось совсем мало. Судя по всему, марсианцы возбудили своим летательным аппаратом такой сильный поток воздуха, что тот поднял ее ввысь и почти очистил балкон.

Буженинов аккуратно вышел наружу, прикрывая свечу от ветра.

– Как сие могло произойти? – задал он в пустоту вопрос и повернулся к Берцову. – Сударь, с какого момента вы наблюдали полет марсианцев? Сколько до них было саженей, по вашему мнению?

– Никак не меньше двадцати. Точнее не скажу, все-таки темно...

– Так... А вы, сударь, когда покидали место преступления, что-нибудь в небе видели? – спросил он у Тихона.

– Я смотрел только на Манефу.

– А звуки? Треск или гудение вертушки, например. Ведь не может такая большая штука крутиться бесшумно.

– На ступенях Собрания и рядом стоял приличный гам. За ним я мог вовсе не услышать даже заметного треска. Если бы дело происходило в почти совершенной тишине, вот как сейчас... Может быть, тогда...

«Все из-за меня! – мысленно бил себя по сусалам Тихон. – Кабы не я со своими стихами, она бы и на балкон-то не пошла! Я во всем виноват, дурень». Все переживания нынешнего вечера так больно ударили по нему, что в голове осталась одна лишь высушенная логика.

– А вот и ваша застежка, Тихон Иванович, – сардонически хмыкнул Берцов и уже протянул к ней руку, как полковник схватил его за запястье.

– Не трогайте! Сначала я осмотрю предмет.

Пресловутая застежка лежала, как ни странно, на перилах, а вовсе не на полу.

– Было бы на что глядеть...

– Не может быть, – удивленно пробормотал поэт. – Я прекрасно помню, что она звякнула внизу, и отскочила совсем не на ограду. Она бы, наверное, тогда вовсе вниз улетела. Нет, я положительно помню звон со стороны пола.

– Вы уверены?

– Ну конечно, я же сказал.

«Желто-красных листьев» подле утерянного предмета не наблюдалось, словно их смахнули метлой. Буженинов со свечой наклонился над застежкой и застыл в такой позе на значительное время, будто следил за передвижением какого-нибудь крошечного муравья.

– Что бы это значило? – наконец повернулся он к свидетелям. – Зачем тут нацарапано это слово?

На каменной поверхности перил отчетливо виднелись три буквы «аки». Причем видно было, что появились они тут совсем недавно, не более часа назад, потому что мелкий каменный порошок рядом с кончиками букв еще не успел смыть дождь. И на острие застежки виднелись следы того же пыльного вещества.

Буквы казались оставленными в большой спешке и обрывались внезапно – пишущий их человек не успел до конца вывести «ижицу», времени у него не достало. Может, он и вовсе «ш» или «у» замыслил начертать?

– Это послание, – уверенно заявил Буженинов и выпрямился. – Другое дело, что хотела сообщить нам Манефа? «Аки звери»? «Аки люди»? «Акулина»?

– «Акулы прилетели»? – предположил Берцов и нервно хмыкнул.

– Что гадать, – вздохнул Тихон. – Манефа пропала в лапах марсианцев, выручать ее надобно. Вот если бы она стрелку нарисовала, куда ее понесли...

– В небесах нам ее нипочем не достать, – покачал головой полковник. – Кружи воздухолет над нашими головами, в ста саженях, и то бы мы не сумели его приземлить. Не стрелять же пулями и ядрами по марсианцам, когда там наша человечья девушка в плену?.. Никто не

позволит. Другое дело, как-то вынудить их опустить ее на землю, но как? Хорошо, больше ничего не замечаете?

На этом первичный осмотр места преступления был завершен. Буженинов приказал капралу Тотту, что храбро палил в небеса, организовать охрану библиотеки и особенно балкона от посягательств. Ввиду крайней важности дела для общества и его небывалого прежде свойства, работу по «поимке преступников», как он выразился, комендант возложил лично на себя.

Особо он распорядился охранять вековой дуб, толстые ветви которого частично нависали над балконом и откуда мог спуститься тайный марсианский лазутчик, дабы уничтожить следы умыкания.

– Утром произведу с помощниками повторный тщательный осмотр, – уверенно заявил Буженинов. – Причем не только этого места, но всего ближнего окружения. Злоумышленники могли снижаться не только тут. Опросим жителей окрестных домов... Наверняка марсианцев видали многие, если они тут и в самом деле побывали.

– Что же, вы нам не верите? – набылчился Берцов.

– Следствие во всем разберется, сударь. От алкоголя и черти явиться могут, не только марсианцы.

Впрочем, весь его вид говорил о том, что дело представляется доблестному коменданту безнадежным, и выполняет он предписанные Уставом действия только лишь для того, чтобы Дидимов не сумел к нему придраться. Ежели Манефу похитили бы простые башкиры или еще какие ходячие тати для вымогания золота из богатого заводчика, дело могло бы нормально расследоваться губернским магистратом или судом верхней расправы, но неведомые летуны? Которые к тому же, как полагают авторитетные ученые, вознамерились изучить людской род в небесных лабораториях словно мышей? Со страшным оружием вдобавок, противу которого пушки с фюзелями словно укусы комаров для слона?

Неудивительно, что Буженинов мало верил в успех расследования, хотя виду старался и не подавать.

**Глава 3-я,
в которой Тихон улаживает городские дела. –
Баснословная награда. – Страшное подозрение. –
Внутри таинственного сарая. – Карта с крестиком. –
Тихон отправляется на поиски возлюбленной.**

Как ни скорбела поутру Марфа, Тихон сразу после завтрака приступил к спешным сборам. Перед одежным шкапом он почти не думал и не выбирал – и так знал, какая ему может понадобиться одежда.

Перво-наперво он надел поверх аби замшевый жилет, затем широкие кюлоты с карманами, все цвета *merdoie* для возможной маскировки, и подпоясался кожаным поясом, удобным для ношения охотничьего кинжала, который также не забыл нацепить. Ноги Тихон втиснул в мягкие сапоги *bottine*, а на голову нахлобучил густо напудренный, малый походный парик *la chancelière* и треуголку. И наконец, перекинул через руку редингот из темно-зеленого сукна – как бы ночью не померзнуть, доведись такая неприятность проскочить мимо теплой постели.

– Я ничего не забыл? – потребовал он у Марфы осмотра.

– Никак на ловитву собрались, барин! – всплеснула та руками. – А припасы путевые, а фляга с малиновой настойкою? Барбоску-то разве не берете? Совсем бедный песик извелся. Порох с пыжами не заготовлены...

– О том не тревожься, Марфуша. Ежели нынче не вернусь – считай, заночевал у Маргариновых или в полях. А пес мне нынче без надобности, сам справлюсь.

– Да как же без Барбоса на зверя ходить?

– Уж постараюсь как-нибудь! К тому же не поеду я нынче на ловитву.

Поэт запрыгнул в дрожки и помчался в Епанчин. Было у него три задумки, не терпящих промедления – сперва надобно посетить жандармскую Управу и разузнать о ходе расследования, потом наведаться в редакцию «Ведомостей» и обсудить берцовские намеки с Матвеем Степановичем Толбукиным... А самое главное, позарез необходимо отвезти Глафиру в имение и проверить наиважнейшее дело. Вот оно-то и руководило в основном подвижностью поэта – любовь к похищенной деве и раскаяние в своем вчерашнем скудоумии творили с ним подлинные чудеса.

В Управу он прибыл часам к десяти, и вовремя. Полковник Буженинов с бледным видом как раз собирался отправиться к Дворянскому Собранию, чтобы толком исследовать место преступления.

– Я с вами! – загорелся Тихон.

– Очень уж вы близко к сердцу дело принимаете, – хмуро ответил комендант. – Другое дело, родственники и сановные лица, а вам-то что за печаль такая, что спозаранку явились?

Тихон смешался.

– Я немалым образом причастен к этому грустному обороту, – произнес он.

Два жандарма при саблях и с котомками для писчих книг, потребных для фиксации показаний, а также сбора улики, уже нетерпеливо гарцевали рядом. Но Буженинов не глядел на них – напротив, уделил поэту неожиданно пристальное внимание.

– Никто не винит вас, Тихон Иванович. Другое дело, что Манефа общалась с вами последним и могла обмолвиться о чем-нибудь таком, что интересно следствию. Но ведь вы же все дельное сообщили, не так ли? А! – махнул он рукою. – Коли марсианцы ее и умыкнули, тут уж ничего не попишешь. Другое дело, когда башкиры бузят. С ними хоть договориться можно, или припугнуть, а с пришлецов чего взять?

– Я могу помогать вам в этом предприятии по мере сил!

– Отчего бы нет? Извольте! *Cela il vaut mieux, que ne pas faire ou les vers composer*¹⁶... –

Тихон сжал губы, но Буженинов говорил, как ни странно, не в осуждение, а с усмешкою. – Тем паче и отлика за возвращение девицы назначена отцом немалая. Сто рублей золотом! Дерзайте, молодой человек. Другое дело, закон при том не преступите... А впрочем, я бы вам искренне не советовал в это темное дело путаться, как бы чего дурного не вышло. Послушайте опытного служаку.

– А кто будет следствие курировать?

– Преступник пока не пойман и неизвестно, к какому сословию принадлежит, если тут можно вообще о сословиях толковать. Ведь неведомо, кто осмелился умыкнуть Манефу Дидимову. Верхний земской суд? Губернский магистрат, верхняя расправа? Не думаю... Другое дело, ежели совестной суд возьмется, потому как виновного не видно и воспротивиться некому, – невесело хохотнул он. – Рано о том размышлять, сударь, сперва улики собрать надобно и на злоумышленников указать. Окажутся и впрямь марсианцы – что ж, и без всякого суда смиримся.

– И с ними бороться можно, татями небесными! – запальчиво вскричал Тихон. – Коли прибыли в чужой монастырь, извольте устав его блюсти.

– Приложим все силы, Тихон Иванович, будьте уверены.

Полковник молодцевато вспрыгнул в седло и пришпорил коня. Зеваки прынули в стороны, когда вся троица с цокотом поскакала в сторону Дворянского Собрании. И Тихон также отправился по дальнейшим делам, благо до типографии было всего чуть – два квартала.

Денежная премия нисколько его не взволновала, хотя золото было бы для его скромного хозяйства совсем не лишним. Поэт уже чувствовал, что напал после напряженных раздумий на след похитителей, и благодарность Манефы за возвращение в отчий дом представлялась ему наивысшей наградой.

Его выступление по поводу мести марсианцам было целиком театральным. После ночных раздумий и сопоставления фактов Тихон почти не сомневался, что знаком с истинным похитителем Манефы Дидимовой.

– Граф Балиор! – обрадовался его появлению Толбукин. – Легки на помине. А мне как раз с утра письмо от самого князя Санковича доставили, с нарочным! Там и ваша фамилия упоминается.

– О чем письмо? – насторожился Тихон и уселся напротив начальника типографии. – Неужто его сиятельство предписал меня изловить и допросить вторично? Так я только что от Буженинова.

– Ближе к истине, вельми близко, – подтвердил Матвей Степанович и помрачнел. – Трудное время, ох какое трудное нам выпало. Выборы на носу городские, а тут такая беда со вторым кандидатом стряслась. Предводитель дворянства в письме выражает соболезнование и со своей стороны обещает отлику в пятьдесят рублей золотом за вызволение девицы из лап преступников, кто бы ее ни умыкнул.

Тихон лишь грустно поднял очи горе, ничем другим такое известие сопроводить ему казалось неуместным. В том воля богатых и знатных, назначать такие колоссальные деньги на благое дело поисков девушки. Хотя он лично будет пытаться Манефу сыскать без оглядки на «презренный металл», по одной лишь любви.

– А может, и губернатор более не желает дезавуировать наличие пришлецов? – блеснул поэт подхваченным у Буженинова словечком.

– О том забудьте, сударь. После такого прискорбного события отрицать прилет марсианцев было бы нелепо, никто нам не поверит. Подумают, что мы народ в ложное успокоение вво-

¹⁶ Все лучше, чем ничего не делать или вирши сочинять (фр.)

дим, тогда как надо, напротив, бдительность укреплять... Раз уж речь о губернаторе зашла, то он сейчас рекомендует подробнее расписать в газете о происшествии и во всю ширь нашего охвату оповестить о вознаграждении Санковича и Дидимова. Думаю, со своей стороны его сиятельство князь Хунуков также отлику немалую назначит, не меньше семидесяти рублей. А также и к свидетелям воззвать, которые могли воздухолет в небесах усмотреть. Вот как в прошлый раз – почти пятеро их видали! Глядишь, и нынешний случай народное внимание привлеч, оттого и вспомоществование будет с нашей стороны следствию. Хоть оно и без толку, нам с марсианцами тягаться, – добавил он безрадостно, совсем как Буженинов.

– Тут не мешает к Господу нашему воззвать.

Отставной полковник с пристальным интересом возился на Тихона, однако тот хранил серьезное спокойствие.

– Полагаете, это происки нечистой силы? Une interprétation curieuse¹⁷.

– Примерно такая же, как и марсианская.

– Да чем же незамужняя девушка так могла запятнать себя перед Господом, что Дьявол ее прилюдно похитил?

– А может, она была как раз вельми святой и тем угрожала рогатому?

– М-да. – После потрясенного молчания Толбукин в смятении откинулся на кресле и потер седые виски синими от чернил пальцами. – Что ж, углубляться в теологию, полагаю, мы предоставим святым отцам. И очень может быть, что вскорости следует ожидать официального с их стороны выступления.

– Не думаю, что моя ничтожная заметка будет уместной в таком случае...

– Князь Хунуков также ждет ее в экстренном выпуске газеты, и многие простые читатели. Я разве не доложил о его распоряжении выпустить спешный номер «Ведомостей»? У нас только три дня, чтобы собрать для него матерьял и отдать в набор... За отликою дело настоит, средства из казны уже выделены.

Тихон лишь вздрогнул, тотчас припомнив, каковы были последствия предыдущего вознаграждения за его изыскательскую статью. Повел себя словно кабацкий ярыга!

– А секрет следствия? – спросил он. – Господин жандармский комендант Буженинов лично взялся за распутывание этого дела. Каково ему понравится мое разглашение всех обстоятельств okazji? Тем более они мне доподлинно неизвестны – один Берцов и видал, как умыкали Манефу, и то вряд ли поклянется, что застал сам момент похищения. Воздухолет уже далече был, когда он на балкон вырвался.

– Ах, так вы уже наладили дружескую связь с полковником? – воодушевился Толбукин. – Вот у него и разузнаете о новостях в раскрытии дела... Если оно вообще способно быть раскрытым, в чем я искренне сомневаюсь.

– В том нынче всякий сомневается.

Начальник типографии пекся лишь о составлении экстренного выпуска газеты, ничего более почтенного мужа сейчас не волновало. Тихон не стал обещать ему написание заметки о похищении и честно предупредил, что будет вынужден умолчать о «предыстории» балконного уединения Манефы Дидимовой, чтобы не славить лишний раз имя незамужней девушки. Но Толбукин лишь отмахнулся, занятый невеселыми мыслями:

– Сочините уж как сумеете, от вас как второго свидетеля примут с доверием. А что из улик упомянуть, какие были сделаны находки, так о том с Бужениновым договоритесь. Ссориться с жандармской Управой нам не к лицу. А теперь извините, сударь... Ох уж эти мне марсианцы! – в сердцах воскликнул он. – Хуже башкир стократно. От тех хотя бы знали чего ждать и оборониться могли, а эти?.. Налетели с неба, людей хватают при публике! Тьфу. Еще и

¹⁷ Любопытная трактовка (фр.)

газеты спешные про них выпускай! Днесь-то уж точно в Санктпетербурге всполошатся, помните мое слово.

Тихон решил не усугублять переживания отставного полковника и попрощался с ним. Да и торопился он, на часы поглядывал – время уже к одиннадцати близилось, и следовало поспешить с визитом к Маргариновым, пока время обеда не грянуло. Тогда будет неловко с неотложными просьбами лезть.

Собственно, его предстоящий разговор с Глафирой и был самым важным в сегодняшней вылазке в город, все прочее лишь довесок.

Семейство Маргариновых проживало в собственном доме, неподалеку от заводской конторы и железоплавильных цехов с домнами. Оттого тут всегда несколько пахло гарью от сжигаемого древесного угля и слышался отдаленный глухой шум, когда механизмы и люди приходили в особенное движение. Крашенные желтым стены и синюю черепицу раз в год приходилось отчищать от копоти.

Тихон подергал за шнурок звонка и дождался появления прислуги. Гость он тут был нечастый, всего-то раз или два после возвращения из столицы и захаживал. А вот в детстве на именинах членов семьи Маргариновых бывать то и дело приходилось. Скоро Панкратий Маргаринов запросто, в шлафроке, подпоясанном персидским кушаком, спустился к гостю со второго этажа и провел в гостиную. Службу в приказе общественного призрения, где был начальником, он уже месяца три не посещал, уйдя по состоянию здоровья в отставку. А вот в театр буквально каждый день ездил, жить без него не мог, особенно жаловал оперу «Говорящая картина».

– С Глашей мириться пришел? – хмуро спросил Панкратий Маргаринов.

– Так точно, – кивнул поэт.

По приглашению хозяина он уселся в ильмовое кресло, обитое черной кожей с серебряными гвоздиками. Расписанные на клею парусиновые шторы были раздвинуты, отчего крупные холсты на стенах были видны во всех деталях. Картины представляли разные деревенские увеселения и праздники.

– Послушай, Тихон Иванович, а народ ничего не приврал? Сегодня уж мне жена твердит – поезжай к приятелям, разузнай что там к чему в Собрании было. Кто про марсианцев талдычит, а кто башкир поминает! Не разберусь я что-то. Не знаешь? Сорвались словно на пожар, прости Господи!

– Мало что я знаю, сударь, – нетерпеливо сказал поэт. – Мне бы с Глафирой потолковать, за вчерашнее покаяться. Полонез ей первый обещал, да нечистая сила попутала. От стыда себе места не нахожу.

– Оно верно! Глаша едва не плакала, как тебя с Манефой увидала. Что ж, дело молодое, а дева та прелестью своей кому хочешь глаза затуманит... – дипломатично высказался хозяин. – Но уж больно хороша для нашего брата.

– Я трезво на вещизираю, мне мои шансы лучше чем всякому ведомы.

– Ну и молодец. Что ж... Глаша, к тебе гости!

Маргаринов стал медленно подниматься по ступеням, а Тихон едва успел перебраться с неудобного кресла на другое, поближе к горящему камину, как в гостиную со стороны девичьей половины вбежала Глафира. Будто она пряталась невидимой и ждала только знака, чтобы явиться. Так оно, может, и было, хотя доброжелательства на лице девушки не читалось никакого – единственно вежливость к посетителю.

– Глафира Панкратьевна! – воскликнул Тихон и вскочил. – Примите мои извинения за вчерашний поступок. Простите ли мне досадное помутнение рассудка? Это все окаянная перцовая наливка!

– Только лишь она, Тихон Иванович?

Он промолчал и бросил взгляд на Маргарина, который не особенно торопился покинуть молодых людей. Уловив внимание гостя к своей персоне, он все же возобновил подъем по ступеням, всячески показывая собственную немощь.

– Не знаю, Глаша, – вполголоса произнес Тихон и опустился в кресло, напротив девушки. Затем подвинулся к ней едва не вплотную и пристально поглядел ей в глаза. – Не могу сам себя понять...

– Что это, в самом деле, – прошептала она и также оглянулась на родителя. Тот, по счастью, уже скрылся наверху, однако вполне мог и затаиться, прислушиваясь. – Что за таинственность, Тихон Иванович? – Девушка печально накрутила едва прихваченные волосы на ладонь и вздохнула. – А то я не ведаю, что вы со всеми прочими по Манефе вздыхаете? В том странного нет ничего, она и красива, и богата. А тут еще знаки внимания от нее получили, вот у вас голова и вскружилась. Вы за тем лишь пришли, чтобы извинение мне принести за отложенный танец? – Она приготовилась встать, уперев руки в кресло и не глядя на поэта. – Будьте покойны, дружба наша не пострадает. Можете во всякий день к нам в гости являться. Вам чаю, может быть, или кофею заварить?

– Постой, Глаша, – горячо сказал Тихон, стараясь при этом не шуметь. Он ухватил девушку за теплую ладонь, и она отняла ее не тотчас, а после порядочной паузы. – Я ведь не только за этим явился. Не нужно мне никакого чаю, времени в обрез.

– Что? – нервно прошептала Глафира и порозовела. – Право, я не...

– Послушай же меня. Поехали немедленно в ваше поместье, а по дороге я все тебе расскажу.

– Что расскажешь? – Она в ужасе прикрыла губы пальчиками.

– Все, я же сказал.

– Позволительно ли?..

– Но я же привез тебя в Собрание! – не вытерпел поэт и вскочил. – Дело чрезвычайной важности, – сдерживаясь, заявил он тихо, – касается Акинфия и самой его жизни. А к вечеру я доставлю вас обратно, обещаю.

– Как? Да что это вы говорите, Тихон Иванович? Я должна сказать батюшке, если брату грозит опасность!

Тихон в отчаянии выдохнул и схватился за локоны парика, будто желая сдернуть его с головы и порвать на клочки. Женщины! Как же с ними трудно дело иметь. Он уже собрался повторить наскок в новых выражениях, как Глафира подняла руку и с решительным видом кивнула:

– Ну хорошо, полагаюсь на вашу порядочность.

– Да, да, полагайтесь. Так я жду вас? Но надобно поторопиться, пока не случилось худого.

– Одеться позволите?

Девушка споро скрылась наверху, откуда Тихон разобрал негромкие голоса. Ему почудилось, будто родители Глафиры высказывают недоумение и даже озабоченность стремлением дочери немедленно отправиться в имение. Неудивительно, ведь у нее сегодня-завтра должны были возобновиться занятия с учителями.

Тихон в волнении принялся расхаживать из угла в угол, то и дело натыкаясь на мебель. Чем дальше, тем в большее беспокойство по поводу друга он впадал. Как бы сгоряча не натворил непоправимого! А ведь каким хладнокровным ученым казался... Впрочем, ведь может еще стать, что Акинфий не виновен и сейчас спокойно тягает свои каменные образцы. Однако недобрые предчувствия обуревали поэта с ужасной силою, принуждая стискивать кулаки и едва не подпрыгивать от нетерпения.

Наконец сверху вновь донеслись громкие голоса, и на этот раз Глафира появилась уже в сопровождении обоих родителей. Вид ее был виноватым, но одежда наличествовала полностью, сообразно неустойчивой погоде – скромной ширины four-reaux и поверх него легкий

салопа из овечьей шерсти. На голову, ввиду возможного дождя, девушка надела сафирный капор и подвязала его лентой.

– Сударь вы мой, Тихон Иванович! – возопила госпожа Маргарина. Ее ярко-желтое платье сверкало, будто один колоссальный топаз. – Как же?.. Ведь только приехала, день даже не побыла! Лето целое почти не видали!

– Да что ты говоришь, столько раз к ним наезжали, – уточнил Маргарин.

– Простите, мадам, но я забыл у вас в поместье крайне важную для меня вещь, – взмолился поэт.

– То редкое произведение Фенелона «Тилемахида», – поддержала Глафира. – Господин Балиор обещался привезти меня обратно, нынче же вечером, а иначе я пришлю с нарочным весть, надолго ли задерживаюсь.

– Может, записку управителю передать, чтобы пособил...

– Простите, нам пора, – резко молвила Глафира, пока родители не успели выдвинуть вполне вескую причину, способную смутить Тихона и поставить в неловкое положение свою логику. – Все будет хорошо.

Не слушая более возражений, она чуть не силком поволокла поэта прочь. Он же был благодарен девушке за смелость и избавление от оправданий и даже ответственности – все она брала на себя. Воистину, если бы не Манефа... О такой решительной, начитанной и милой супруге, как Глафира, можно было лишь мечтать, но Тихона влекла сейчас совсем иная планета. Только о девице Дидимовой он и мог грезить.

– Так что вы желали мне сообщить так спешно, Тихон Иванович? – прервала его витания Глафира. – Что там с Акинфием?

Они отъехали уже на один квартал от ее дома и едва миновали сиротский приют, откуда слышен был детский шум – по всему видно, во дворе заведения происходила подвижная игра. Жандарм проводил дрожжи скучающим взглядом. Повевало вонючим дымом от близкой смолокурни.

Глафира надела на руки вязаные митенки, очень уж ветер был холодным.

– Может быть, он сейчас не образцы минеральные собирает, – совладав в волнении, принялся толковать поэт.

– А что же тогда? Золото? Полноте, все уж давно из рудника повыгребли.

– Откуда вы знаете, мадемуазель? – сбился с мысли Тихон.

– Так Акинфий мне и рассказывал, он туда неоднократно ходил и все, почитай, развалы обшарил. Ни одного самородка не сыскал... Так вы о том сообщить мне желали? – рассмеялась девушка.

– Нет же! Слушайте. – Граф Балиор свернул через глубокие колеи к заставе и стегнул лошадей, благо дорога стала поглаже и позволяла ехать довольно плавно. – Вчера на машкереде я был задержан как свидетель и осматривал с комендантом Бужениновым место умыкания Манефы... Балкон то есть.

– Так вы там были? – холодно уточнила Глафира. – Стояли с ней и глядели, как воздушный шар уносит вашу Пермесскую нимфу в небеса?

– Да нет же! Что за пустяки вы говорите, Глафира Панкратьевна. Нимфа! Меня там в это время не было, просто я оказался последним, кто ее видел как вас сейчас. А разговаривал с нею через двери уже не я, а Берцов.

– Ничего не понимаю. Какое отношение ваша Манефа имеет к моему брату?

– Я думаю, что это он ее похитил, – решил Тихон.

– Как? – почти вскричала попутчица и схватила его за плечо, чтобы повернуть к себе лицом. – Вы шутите, право!

– Тише, тише, прохожих распугаете. Подумают, что я вас против воли везу. Нисколько не шучу, и вот почему я так подумал. Во-первых, в сарае вашего братца скрывалось что-то стран-

ное о трех колесах, я сам видал следы, когда явление марсианцев расследовал. – Глафира хотела что-то спросить, но промолчала и лишь сердито дернула подбородком – дескать, выкладывайте дальше. – А еще помните, как он настойчиво толковал о грядущем похищении жительницы города? Но самое главное не то, а три буквы, что Манефа успела накарять на перилах.

– Ну? Что за буквы? – скептически поинтересовалась Глафира, когда молчание показалось ей затянувшимся. – «АПМ», может быть? Что непременно означает «Акинфий Панкратьевич Маргаринов».

– Почти так: «Аки».

Девушка внезапно расхохоталась и откинулась на сиденье. Но веселье ее было грустным, и Тихон сразу понял, что она ничуть не поверила в сообщение поэта. Возможно, она сейчас думает, что поддалась уговорам сумасшедшего, который воспользовался надуманным поводом и увлек ее из родительского дома, чтобы...

– Аки дурочка, понеслась я в поля неведомо зачем! И это все ваши веские свидетельства? Помилуйте, мне так марсианцы кажутся куда реальнее.

– Бога ради, Глаша, – в отчаянии воскликнул Тихон. – Какие марсианцы? Скорее уж черти!.. Я полагаю, что ваш талантливый брат смастерил воздухолет и, снедаемый безответной страстью, похитил девушку! Кому еще под силу такое предприятие? Это смелый и увлекающийся человек, знаток механики Ньютона и прочих наук, что ему стоило соорудить тайком летучий механизм? Давайте приедем в имение и заглянем в сарай, а потом вы изругаете меня на все корки и проклянете, если я окажусь не прав. Я ведь только об Акинфии пекусь, как бы он беду на себя не навлек!

– Только это вас и прощает. А то бы сразу потребовала меня обратно везти... Да еще неловкость за вас перед родителями, что по недоразумению или глупости меня от скорых занятий отвлекли.

Она покачала головой и отвернулась, а Тихон облегченно вздохнул и с новыми силами погнал дрожки между холмами, в Облучково.

– Об Акинфии, значит, радение ваше, Тихон Иванович? – тихо проговорила Глафира минут черед десять, словно и не спрашивая. – Ревнуете, что Манефа другому досталась... Так что же, марсианцев и нет никаких? И это брат мой на воздухолете летал, так по-вашему?

– Да, у меня такое подозрение. И я прошу вас помочь мне развеять его. А иначе слишком было бы худо для всех, кроме разве самой Манефы. Со стороны такого благородного человека, как ваш брат, ей опасность не угрожает, а вот пришлецам все равно кого препарировать.

– Греки полагали, что престол любви находится в печени, – сообщила как будто про себя Глафира. – Потом он передвинулся в сердце, а уж мы нынче думаем, что он в уме. Может, у женщины и в уме, а у мужчины, по-моему, совсем в другом месте.

На это Тихон, как печально известный певец плотской любви, решил смиренно промолчать.

Скоро показалась деревня Маргариновых, и лошади свернули знакомым маршрутом в сторону имения. За время недолгого путешествия погода успела ухудшиться, и поэт был рад, что приготовился к этому в нужной мере, тем более он с каждой верстой укреплялся в мысли, что ему предстоят скрупулезные поиски друга среди диких Рифейских скал. Только бы найти хоть малый намек о том, где Акинфий мог учинить тайное убежище.

А может, он прилетел прямиком сюда? Поэт буквально вспотел от такого предположения. Что ж, тогда все станет гораздо проще!

– Вдруг он здесь, с Манефою? – высказался он. – Что мы станем делать?

– Вернем ее отцу, и вся недолга.

Как видно, гневные догадки Тихона исподволь подточили сомнения Глафиры, и теперь она излучала откровенную тревогу – как же, родной брат стал преступником! Это ли не удар

по родителям и общественным устоям? И все же она, конечно, еще надеялась на марсианский вариант похищения.

– Неужто вы правы, Тихон Иванович? – дрожащим голосом спросила она.

Но поэт не отозвался, поскольку эта часть их пути уже окончилась и разгадка была уже близко. Он остановил дрожки возле крыльца и помог девушке сойти на землю. Глафира взбежала по ступеням и толкнула дверь, тотчас выкрикнув имя служанки, а Тихон тем временем отыскивал внешние признаки того, что Акинфий тут находится или недавно побывал. Увы, ни обуви, ни верхней одежды, в которой тот имел обыкновение отправляться в экспедиции, в прихожей видно не было.

– Молодой барин приезжал? – накинулась на Фетинью Глафира.

Девка стушевалась и в испуге мяла фартук, будто испугалась инспекции. Но приехавших внезапно господ никакой другой вопрос не интересовал.

– Как уехали на той неделе, так и не бывали...

– Может, слышал кто из людей его разговор, или замечал издали?

Но девушка только в смятении мотала головой, ничего не понимая.

– Поспрашивай, не видал ли кто-нибудь чего подозрительного, – приказал ей Тихон и тронул Глафиру за плечо. – Нам надобно попасть в мастерскую, помнишь? Где ключ? Иначе взломать придется...

Глафира взяла на себя поиски ключа, а Тихон отправился к сараю. На этот раз, вполне гласно и при свете дня, он намеревался провести доскональный внешний осмотр или даже проникнуть внутрь загадочного строения. И сейчас он также обнаружил на пыльной земле подле ворот отчетливые трехколесные следы. Но сколько их было – три или два, а может и четыре, сказать было невозможно.

Попытка заглянуть в оконце ничего не дала. Вообще, в стенах сарая имелось три довольно крупных отверстия, забранных стеклом, и все они были завешены льняными занавесками от посторонних глаз. Так что оставалось только выбить окна. На такой откровенно некультурный поступок поэт не решился. Да и что бы это дало, если протиснуться в оконце смог бы лишь ребенок, но никак не упитанный Тихон или Глафира в широкой юбке? Вот если бы она сняла ее... Поэт отогнал нелепые мысли.

Подергал он и ворота. Но те были основательно укреплены изнутри вертикальной съемной балкой, скинуть которую можно было лишь удалив огромный и крепкий замок. Сарай оказался неприступной научной крепостью, и это вызывало немалое подозрение – что сельский ученый так рьяно оборонял от посторонних?

Тут Тихон услышал из дома призыв девушки и поспешил на него.

Глафира не справлялась одна в захламленном кабинете брата. Поиски ключа по всему дому пока не привели к успеху, хотя помогали все трое слуг – однако было ясно, что Акинфий или спрятал ключ в лаборатории, или вовсе унес его с собой.

– Он наверняка не стал возвращаться в дом, когда вывел воздухолет из сарая! – вынужден был предположить Тихон. – А значит, уволок отмычку в кармане.

– Но как же быть? – Девушка устало повалилась в любимое кресло брата и стала передвигать на столе разные ученые бумаги, полные неразборчивых формул и чертежей. – Постойка! Я помню, как он летом приносил от Прокопа заготовку!

– Что еще за?..

– Для ключа, конечно! Он еще сказал, что хочет сделать запасной, а то вдруг первый потеряется.

– Умно. Жалко ломать такие крепкие запоры, и затруднительно.

– Но где он мог схоронить его?

Тут они с прежним воодушевлением принялись перерывать все ящички и заглядывать в каждое «потайное» место кабинета, на шкапы и в комоды, под цветочные горшки и даже

подсвечники. Не остался без внимания и телескоп, и стены за мебелью, где мог притаиться вбитый гвоздь. За книги тоже заглянули.

Наконец последним неизученным местом остался один из двух выдвижных ящиков стола, к несчастью запертый.

– Да что же за секреты такие? – воскликнула Глафира. – Почему всюду запоры?

– Есть что прятать, значит.

Они уставились друг на друга, а потом на ручку запертого ящика.

– И как я потом объясню поломку? – растерянно произнесла девушка. – Что, если мы ошиблись и Акинфий сейчас спокойно собирает минералы в горах? Так неловко! Тихон Иванович, давайте не будем вандалничать.

– Вам решать, Глафира Панкратьевна.

– Я видела, как он носит на шнурке маленький медный ключик, рядом с крестиком на цепочке. Думала, что от шкатулки с любовными и прочими письмами, – грустно улыбнулась она. – А никакой шкатулки не нашли.

Тихон промолчал, и Глафира решительно подхватила с подоконника крупную железную стамеску.

– Извини меня, братец, – прошептала девушка и обеими руками принялась помогать Тихону выворачивать секретное хранилище из стола.

После недолгих усилий хилый замок за лакированной доской хрустнул, и его язычок выскочил из паза. С замиранием сердец взломщики выдвинули ящик. Тот был полон самых разных бумаг, и все они с величайшей аккуратностью тотчас были перенесены в четыре руки на столешницу. На самом дне лежал трактат Пьера Симона Лапласа «*Sur la raison de la gravitation universelle et sur les inégalités séculaires des planètes, qui de lui dépendent*».¹⁸

– Что это за карта? – Тихон извлек трактат и раскрыл его посередине, откуда торчал пожелтый и обтрепанный бумажный уголок.

– До карт ли нынче?

– Интересно же! Вдруг тут обозначено узилище?

Он всмотрелся в документ и почти сразу опознал карту Епанчина, но не вполне обычную. Многие окраинные строения, что украшали сейчас город, на бумаге не были обозначены – следовательно, документ сей отличался немалой, едва ли не полувековой древностью. Между некоторыми домами были проведены довольно ясные двойные линии, отчего-то заштрихованные. Похоже было на то, что составитель карты соединил здания невидимыми или умозрительными ходами. Один вел от Дворянского Соборания к фабрике Петра Дидимова, минуя сразу два квартала.

– Смотрите-ка, как интересно. А может, это подземный лаз и Акинфий уволок по нему Манефу?

– Что за глупости, какой лаз? – поморщилась Глафира. – Прямо в руки отца ее и вручил, едва умыкнувши? Вы ключ ищите, сударь!

– Слушаюсь.

Но сначала попала Тихону деревянная фигурка солдата, и в памяти неожиданно всплыли военные баталии, что учинял Акинфий в свое комнате, а то и в саду, ежели погода благоприятствовала. Тихону было тогда около пяти лет, и особенно запомнился мальчику один эпизод, когда родители отправили его в сад, к старшему товарищу, чтобы не путался под ногами взрослых. Акинфий тогда приехал на каникулы и с помощью гувернера водил строи – разыгрывал на лужайке среди кустов кампанию князя Голицына под Хотинком. А маленький Тиша с открытым ртом простоял битый час на краю поля «битвы», с восторгом внимая «разрываю» игрушечных ядер и звонким приказам военачальников.

¹⁸ «О причине всемирного тяготения и о вековых неравенствах планет, каковыя от него зависят» (фр.)

Надо ли говорить, что враг был наголову разбит? А теперь в руке поэта один из тех бравых солдат, что атаковал турок...

– Недосуг мечтать, Тихон Иванович.

– Вы правы, сударыня. Вот же он! – воскликнул Тихон, отодвинув ученый труд, и достал из дальнего угла массивный медный предмет, который со всей очевидностью годился для вскрытия таинственного сарая. Карту потайных ходов, или что это было такое, а также деревянного пехотинца он сунул обратно в ящик. – Пойдемте скорее, время не ждет!

– Не спешите, Тихон Иванович, – медленно проговорила девушка. – А поглядите лучше сюда.

Она разложила добытые в ящике документы на столе и указала поэту на некоторые из них. Несколько листов заполняли замысловатые механические схемы с множеством сложных деталей, стрелок и математических формул. Даже самый далекий от механики ум в состоянии был выяснить, что на них изображаются разные части воздухолетного устройства – настолько бросались в глаза колоссальные лопасти, разновеликие передаточные шестерни и педали, с помощью которых вся машина, судя по всему, поднималась в небо.

– Что это? – прошептала как будто в недоумении Глафира. – Что же это? Никаких марсианцев не существует, все это выдумка Акинфия?.. Он... Да как же?..

– А я что говорил! Ваш брат – выдающийся механик и ученый, раз сумел построить летающую машину, какую даже сам Леонардо соорудить не сподобился. А это что за художества? – ревниво вскричал Тихон, когда решил посмотреть на листы с обратной стороны.

На многих бумагах в минуты задумчивости Акинфий вывел пером прелестное личико Манефы Дидимовой, нередко дополнив его весьма фривольной картинкой женского тела. Округлые перси так и цепляли взгляд поэта. Одно тело было и вовсе целиком обнаженным – Манефа, словно греческая нимфа, подняла сплетенные руки и согнула слегка ноги в коленях, будто любуясь собственной наготою.

– Кажется, этот рисунок лучше развернуть, – сообразил Тихон и представил Манефу в лежачем положении. – Что ж, надо признать это изображение чрезвычайно велелепным.

– Стыд-то какой... – Глафира покраснела и поспешно обратила бумаги прежней стороной вверх. – Никак не могу в это поверить. Неужели слепая любовь к вертопрашке может так помутить мужчине рассудок? – в сердцах спросила она и опустила на стул. – Тихон Иванович, возможно ли такое?

– Вполне, – пожал поэт плечами. – Негодяй, из-под самого носа моего увел! Ну, Акинфий Панкратьевич, я до тебя доберусь!

– Я и забыла, что вас тот же Аполлонов огонь снедает, – с насмешливой грустью в голосе сказала девушка. – *Et comment vous maintenant avez l'intention d'entrer?*¹⁹ Отправитесь в жандармскую Управу с ламентами на моего обезумевшего братца?

– Нет, не стану я на него жаловаться... Мы же с ним как Финтий и Дамон, старинные друзья, почитай что братья. Негоже мне доносить на него, Глаша...

– И что же нам делать?

– Давайте тщательно изучим эти документы и сарай, иначе мы не сумеем узнать теперешнее местоположение Акинфия. – Глафира нахмурилась, и Тихон, на его счастье, быстро смекнул, что стало тому причиной. – Впрочем, рассматривать вам такие вольные записки в моем обществе было бы несуразно, также как и доверить их мне для единоличного ознакомления. Среди бумаг могут оказаться интимные послания или дневники! Я отправлюсь обследовать мастерскую Акинфия, а вы просмотрите эти заметки, согласны?

Глафира молча кивнула и без промедления приступила к перебору бумаг – тех было порядочно, и внимательное изучение могло потребовать от нее изрядных усилий. Поэт же,

¹⁹ И как вы теперь намерены поступить? (фр.)

вооруженный медной отмычкой, поторопился во двор имения. На ходу он отдал распоряжение о прекращении всяких поисков, и слуги с облегчением вернулись к привычным занятиям.

Сарай открылся с неохотой, будто не желая доверять свои ужасные тайны постороннему. Чтобы не напороться на острый предмет и получше видеть, Тихон первым делом пробрался между механизмами, составленными у стен, к окнам и распахнул плотные занавеси. Луч солнца с южной стороны, пыльный и узкий, выхватил из полумрака мастерскую ученого-механика.

Прежде всего, становилось вполне очевидно, что всю среднюю часть сарая в иное время занимало некое колесное устройство – земляной пол был густо исчерчен следами. И еще, ничего более в центре сарая не стояло и не валялось, а значит, это место оберегалось для главного и этого весьма крупного механизма, которого в сей момент, понятно, тут не было. «Однако как сюда могли втиснуться гигантские лопасти воздухолета? – недоуменно подумал Тихон, припомнив ясные показания видевших летательную машину. – Разве что он надевал их уже после, как выводил аппарат на волю. Пожалуй, что так».

Он обошел мастерскую по краю и присмотрелся к каждому более-менее крупному предмету в поисках внятных намеков. Возле одной из стен он увидел железную трубу, составленную из нескольких малых труб разного калибра, а также несколько круглых и толстых стекол. Похоже, Акинфий и в самом деле когда-то собирался соорудить огромный телескоп для ночных наблюдений неба, но забросил это увлечение – детали ночезрительной трубы покрывала пыль и даже паутина.

Так же носили следы заброшенности и три ивовых ужища с перекрученными лесами и ржавыми крючками. Видимо, к рыбной ловле Акинфий пристрастия не питал, да и водоем находился далече.

Из охотничьих предметов неожиданно нашелся французский *l'arbalète*. К нему в пару прилагался особый поясной чехол, в котором лежали тонкие медные стрелы – пожалуй, слишком легкие для того, чтобы уверенно поражать ими дичь. Судя по всему, самострел был изготовлен Акинфием собственноручно когда-то в прежние годы, во времена увлечения разным необыкновенным оружием, или даже в детстве. Так же как и ужища, *l'arbalète* изрядно покрывался пылью.

Инструментов было великое изобилие, начиная от простой пилы и заканчивая диковинными, похожими на челюсти сома с ручкой. А уж разнообразных железных, медных и деревянных деталей и обломков и того больше.

– Да уж, трудов тут потрачено! – восхищенно воскликнул поэт. – Не менее, чем я на глупые вирши часов перевел. Однако ж он добился куда более моего...

Граф Балиор даже отчасти позавидовал нечеловеческому упорству товарища, который положил колоссальное количество сил и знаний на алтарь умыкания возлюбленной. А вот у самого Тихона, как он себе с сожалением признался, на подобное самопожертвование не хватило бы ни того, ни другого. Ему лишь бы стишата скабрезные сочинять да гуляк трактирных ими веселить!..

Поэт откинул с верстака кусок холста и воочию убедился в существовании летающего механизма. Тот был в мельчайших подробностях, а не схематично и фрагментарно, показан на обширном листе бумаги, склеенном из малых частей. Каждая шестерня изображалась на плане купно с присущими ей размерами, и все ремни имели длину и толщину. Тот только Тихон увидел, каким способом Акинфий перенес плененную девицу в узилище – в низу конструкции имелось подходящих для человека размеров плетеное лукошко. Сам же воздухолет простирался в длину на две сажени, в толщину и высоту на одну, и лопасти у него достигали трех сажен каждая. Было их четыре, и все, как предположил поэт, действительно съемные.

– Я знаю, где брат, – услышал поэт и обернулся. Глафира с хмурым видом протягивала ему сложенный четверто крупный лист. – Там крестик стоит...

Тихон развернул на столе карту ближних городских окрестностей. Она была весьма подробной и точной, насколько можно было судить по известным Тихону весям, оврагам и ручьям окрест его собственной усадьбы.

– Устьянский рудник! – воскликнул он, когда прочитал подпись возле нарисованного чернилами косоугольного крестика. – Он же давно заброшен! Туда двадцать верст скакать... Можно ли нам на этот знак полагаться? Вот если бы заимка или еще какой домишко. И где там устроить узилище, в шахте?

– Эка витийствуете! – фыркнула девушка. – Днесь-то я понимаю, отчего вы охотничьим рединготом запаслись, Тихон Иванович. Небось еще и кинжал вместо шпаги прихватили? Драться с Акинфием станете?

– Не собираюсь я с ним драться, что за глупости.

– Так зачем тогда мчаться надумали?

– Предостеречь, спасти! В острог ведь угодит, недотепа!

– Уж наверно, Акинфий обо всем подумал, когда похищение Манефы замышлял. Какие вы можете привести убедительные доводы, чтобы он отрекся от замысла и послушался вас, Тихон Иванович? Коли уж он решился на такое, так наверно неспроста!

Глафира была, конечно, во всем права. Но оставить все как есть, промолчать и отправиться домой поэт бы ни за что не смог. Помимо того, что ему была невыносима сама мысль, будто Манефа сейчас подвергается соблазнению, так еще и беспокойство за товарища снедало! Он ведь страшно рискует, фактически ставит себя вне закона. Положим, Тихон не кинется рассказывать коменданту о своих открытиях, но не может ведь этот дурак Маргаринов всю жизнь провести в катакомбах заброшенного рудника? На что он неповинную Манефу обрекает?

– Я не могу этого допустить, – проговорил он в отчаянии. – Ведь я люблю их обоих! Он делает плохо не только ей, но и себе самому.

Девушка вдруг шагнула к нему вплотную и подняла внимательные и печальные глаза, а потом и ее тонкие пальцы легли на плечи поэта.

– Поезжай, Тиша, – сказала она. – Умоляю только об одном: убеди его вернуть Манефу отцу, да так, чтобы никто чужой не прознал о виновнике, иначе в остроге сгинет... Ох, как еще эта кокетка себя поведет! Уговори ее как-нибудь смолчать и не выдавать моего глупого брата. Сможешь? Ведь будет она тебе век благодарна, да и замуж пойти не откажется как за спасителя. Что ж, такова, значит, воля Божья.

– О том и я думал, – кивнул Тихон. – Должен суметь, Глаша, иначе какой я друг?

– Только выслушай его сперва. Может, план его так хорош или Манефа сама так довольна, что и делать ничего не след?

– Непременно. Биться на кулачках с твоим братом я не намерен.

– Ну, поезжай... Я уж и провизию распорядилась тебе собрать на неделю, да толстых свечей побольше. И кобылу нашу седлать, Копну.

– Глаша...

Поэт одной рукой обхватил девушку за талию, а второй пригладил простые волосы – парик она и не надевала, когда из родительского дома выходила. Глафира судорожно вздохнула и как-то неловко обмякла, будто чувств лишилась. От нее тонко пахло ванильным мылом. Однако почти сразу она оттолкнула поэта ладошками.

– Поезжайте же наконец, Тихон Иванович, коли не передумали!

Глава 4-я,
в которой Тихон спешно прибывает к руднику. –
Поиски воздухолета. – Манефа в узилище. –
Странная беседа. – Нежданый оборот дела. –
Блуждания во тьме. – Прогулка под Песьей звездой

Провизия в форме запеченной утки и хлеба, спички, свечи, а также драгоценная карта с указанием секретного местоположения Акинфия благополучно тряслись в седельной сумке. Редингот же перекочевал на туловище поэта, спасая его от вечерней прохлады.

Кобыла Копна оказалась пегой красавицей бодрого нрава – по словам Глафиры, братец порой выезжал на ней с целью пострелять уток, в прочее же время она отъедала бока и совершала пробежки на выгоне, под водительством конюшего.

Дорога в Устьянский рудник, если даже имелась, вела от городской заставы, но терять драгоценные часы на ее поиски Тихон не мог. А потому выбирал направление, руководствуясь исключительно приметам местности и солнцем. Пару раз ему пришлось спешиваться, чтобы преодолеть крайне неприятные овраги, но через два часа холмов и удолий он достиг такого неровного ландшафта, что покидать круп лошади было нелепо – так бы и прыгал туда-сюда.

Возле особо крутого склона поэт все-таки принужден был дать и себе, и Копне передышку.

– Так, поглядим на выдающиеся приметы, – сказал он, лишь бы услышать чей-нибудь голос, и развернул карту на валуне. – А ты подкрепишься, славная подруга.

Пока лошадь благодарно выискивала среди обломков скал пожухлую траву, Тихон пытался сообразить, в какую сторону двигаться. Прямо перед ним высился колоссальный утес, поросший у подножия березами и елями. Слева начинался довольно протяженный распадок, полный поникших ив и переплетений палых и стоячих стволов – вода оттуда почти вся успела уйти под землю, лишь слабый ручеек змеился под корягами. Лезть туда было нелепо. А вот справа, собственно, находился вход в старый рудник.

Беда была в том, что крест обозначал не его, а какую-то другую точку на горе. Очевидно, у самого Акинфия, благо он успел обследовать тут многое при подготовке умыкания, затруднений бы не возникло. Уж он бы сумел попасть в потайное место. Наверняка натаскал туда одеял, припасов, дров и всего прочего, потребного для ублажения капризной девицы.

– Маргаринов! – крикнул Тихон, не особенно напрягая легкие. – Покажись!

Этим он только насторожил кобылу.

– Надо бы тебя привязать...

Крест показывал на гору, из-под которой лет тридцать тому назад еще добывали золотые самородки. Следовательно, у поэта было только два пути – или карабкаться наверх, отыскивая убежище механика, или смело углубляться в черноту хода. Самое же важное было обнаружить следы воздухолета, ведь этот летучий механизм в любом случае обязан был приземлиться.

Тихон вскочил на Копну и удалился с нею на приличное расстояние от хода в рудник, в сторону низины. Там еще было довольно растительности, в том числе на ивах. Здесь он и привязал лошадь и снял седельную сумку, а затем вернулся к руднику.

Никаких следов Акинфиевого механизма, каковые изобиловали возле и внутри мастерской, тут не имелось. Зато во множестве отпечатались вепревы копыта и крошечные следы диких поросят, отчего Тихон мимолетно пожалел об отсутствии ружья и особенно верного Барбоса.

Влететь внутрь старинной выработки, не опасаясь безнадежно сломать лопасти, было невозможно. Да и некуда было лететь, собственно – сразу от земли лаз прилично сужался и вел глубоко в темные глубины Рифейских гор. Несмотря на отсутствие колесных следов, помимо свинных отчетливо виднелись и человеческие, и насколько мог судить Тихон, оставили их не так давно и причем разные люди. Во всяком случае, возникли они тут не раньше чем десять дней назад, когда прошел последний сильный дождь. Вели они как внутрь старой выработки, так и наружу.

«Ловцы, что ли? – озадаченно подумал Тихон. – Может, тати лесные вокруг горы шляются?»

Начинало смеркаться. Тут только поэт осознал всю сложность своего «спасительного» замысла. Мало того, что крест на карте еще не гарантировал, будто узилище находится в «золотой» горе, так и следов воздухолета никаких не обнаружилось. И похолодало настолько, что даже охотничьего редингота уже показалось мало.

– Или воротиться домой? – спросил себя Тихон и представил, как Глафира презрительно кривит губы, а Манефа томится в застенке, наедине с ополоумевшим от страсти механиком.

После такой картины он перекинул суму, заметно полегчавшую после двухчасовой скачки, на спину и приступил к восхождению на гору. Перво-наперво нужно понять, где спрятан воздухолет и есть ли он тут вообще. Тащить его под землю невыносимо и глупо, куда проще закидать ветвями ила в распадок закатить. Да кто его искать-то станет, «марсианский» механизм? Разве что дотошный и разгоряченный любовью поэт, но Акинфий вряд ли мог предположить такого оборота дел и озаботился лишь, чтобы его летательное устройство не обнаружили охотники. А им карабкаться по камням смысла нет, горных козлов на Рифейских скалах не водятся...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.